А. С. ПУШКИН

А. С. ПУШКИН.

Литография Г. Гиппиуса. 1828 г.

1799
1949

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА–ЛЕНИНГРАД
1950

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

А. С. ПУШКИН

ТОМ ТРЕТИЙ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1827 - 1836

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1950

Печатается по текстам
Полного собрания сочинений
А. С. Пушкина,
изданного Академией Наук СССР

СТИХОТВОРЕНИЯ

(1827—1836)

1827

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

СОЛОВЕЙ И РОЗА

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь — нет ответа.

ЭПИГРАММА

(ИЗ АНТОЛОГИИ)

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза —
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

ЕК. Н. УШАКОВОЙ

Когда бывало в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
«Аминь, аминь, рассыпься!». В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведает, куда девалися они.
Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые,—
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
«Аминь, аминь, рассыпься!» говорю.

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

ЕК. Н. УШАКОВОЙ

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,—
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

АРИОН

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны весла. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

АНГЕЛ

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, он рек, тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

П. Я. ЧААДАЕВ.

1794—1856.

Литография Алофа.

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах всё темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...
Недавно кровь со всех сторон
Струею тощей снег багрила,

И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей? — Кромешник удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: «Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!..» Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчаться был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит, и фыркает, и рвется
Назад. «Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!..» И конь усталый
В столбы под трупом проскакал.
— — — — — — — —

КИПРЕНСКОМУ

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз,—
И я смеюся над могилой,
Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ КАРАМЗИНОЙ

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем,
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умиленьем
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

ИЗ ALFIERI

Сомненье, страх, порочную надежду
Уже в груди не в силах я хранить;
Неверная супруга я Филиппу
И сына я его любить дерзаю!..
Но как же зреть его и не любить?
Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
Высокий ум, с наружностью прекрасной
Прекрасная душа... Зачем природа
И небеса таким тебя создали?
Что говорю? Ах! так ли я успею
Из глубины сердечной милый образ
Искоренить? — О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я; но избегаю
Я встречи с ним. Он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне. И он, как и другие,
Обманется — и станет, как других,
Он убегать меня... Увы, мне, бедной!..
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы — преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе...
Что вижу? Карл! — Уйдем, мне изменить
И речь, и взор — всё может: ах, уйдем.

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ

Прими сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался:
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,

И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен впрочем был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен, или с горя
Стихи писать, да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу,—
Предмет занятий разнородных

Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,
В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердец высоких отпечаток.
Студент однако ж наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет,
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: «Нельзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдесским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей».
Смутился кистер изумленный.
«Что за желанье? что за страсть?

Идти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?.. Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?»
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.
Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.
                    День угас;
Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галлереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь —
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастию похищенье совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелст очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позволяли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай

И скандинавов рай воинский
В пирах домашних воскрешай,
Или как Гамлет-Баратынский
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

Всем красны боярские конюшни:
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони:
Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони.
Лишь одним конюшни непригожи —
Домовой повадился в конюшни.
По ночам ходит он в конюшни,
Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички,
Туго хвост завязывает в узел.
Как не взлюбит он вороного.
На вечерней заре с водопою
Обойду я боярские конюшни
И зайду в стойло к вороному —
Конь стоит исправен и смирен.
А поутру отопрешь конюшню,
Конь не тих, весь в мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.
Во всю ночь домовой на нем ездил
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночи до белого света —
До заката месяца . . . .

Ах ты, старый конюх неразумный.
Разгáдаешь ли, старый, загадку?

Полюбил красну девку младой конюх,
Младой конюх, разгульный парень —
Он конюшню ночью отпирает,
Потихонько вороного седлает,
Полегонько выводит за ворота,
На коня на борзого садится,
К красной девке в гости скачет.

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры,
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими дверями,
Теснясь у черного крыльца,
Народ, гоняемый слугами,
Поодаль слушает певца.

В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера,
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонен на воле бродящим в извивах
Плющем, любовником скал и расселин. С камня на камень
Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виется
Вдаль по роще густой, веселя ее сладким журчаньем.

19 ОКТЯБРЯ 1827

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКОМУ

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

Весна, весна, пора любви,
Как тяжко мне твое явленье,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслажденье...
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье.

— . —

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгий мрак ночей.

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает:
«Три девятки, туз червей
И король бубновый —
Спор, досада от речей
И притом обновы...

А по картам — ждать гостей
Надобно сегодня».
Вдруг стучатся у дверей;
Барышни и сводня
Встали, отодвинув стол,
Все толкнули . . . . . ,
Шепчут: «Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку».

Что? Хороший человек...
Сводня с ним знакома,
Он с . . . . . целый век,
Он у них, как дома.
. . . . . . в кухню руки мыть
Кинулись прыжками,
Обуваться, пукли взбить,
Прыскаться духами.

Гостя сводня между тем
Ласково встречает,
Просит лечь его совсем.
Он же вопрошает:
«Что, как торг идет у вас?
Барышей довольно?»
Сводня за щеку взялась
И вздохнула больно:

«Хоть бывало худо мне,
Но такого горя
Не видала и во сне,
Хоть бежать за море.
Верите ль, с Петрова дня
Ровно до субботы
Все девицы у меня
Были без работы.

Четверых гостей, гляжу,
Бог мне посылает.
Я . . . . . им вывожу,
Каждый выбирает.
Занимаются всю ночь,
Кончили, и что же?
Не платя, пошли все прочь,
Господи, мой боже!»

Гость ей: «Право мне вас жаль.
Здравствуй, друг Анета,
Что за шляпка! что за шаль,
Подойди, Жанета.
А, Луиза,— поцелуй,
Выбрать, так обидишь;
Так на всех и . . . . ,
Только вас увидишь».

«Что же,— сводня говорит,—
Хочете ль Жанету?
В деле так у ней горит.
Иль возьмете эту?»
Бедной сводне гость в ответ:
«Нет, не беспокойтесь,
Мне охоты что-то нет,
Девушки, не бойтесь».

Он ушел — всё стихло вдруг.
Сводня приуныла,
Дремлют девушки вокруг,
Свечка . . . .
Сводня карты вновь берет,
Молча вновь гадает,
Но никто, никто нейдет —
Сводня засыпает.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, г . . . . . . капитан,
Как помнятся у нас в простонародье
Над нехристем победы россиян?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ... ?

Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодеров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ... ?

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих . . . ,
Да и твою, г . . . . . . капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ... ?

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ... ?

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатский штык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ... ?

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших . . . . ?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать,
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ... ?

БАРАТЫНСКОМУ

О ты, который сочетал
С глубоким чувством вкус толь верный.
И точный ум, и слог примерный,
О ты, который избежал
Сентиментальности манерной
И в самый легкий мадригал
Умел . . . .

Я знаю край: там на брега
Уединенно море плещет;
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно — степь нагая
Над морем стелется одна.

Символы верности любя,
Она супруга почитает
. . . .

1828

ДРУЗЬЯМ

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

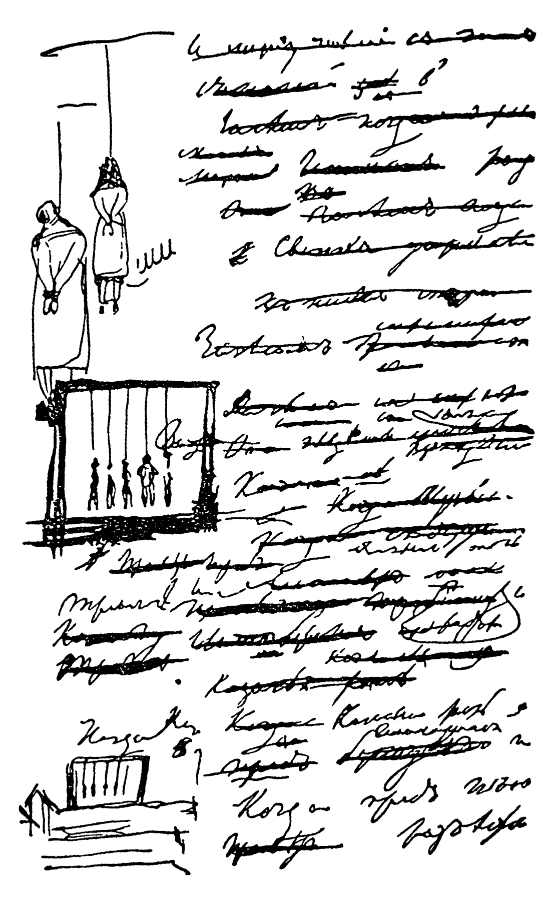
Текла в изгнаньи жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

КАЗНЕННЫЕ ДЕКАБРИСТЫ.

Рисунки А. С. Пушкина в рукописи. 1828 г.

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

СОЧИНИТЕЛЮ «САТИРЫ НА ИГРОКОВ»

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дельно миру!
Ему полезен розги свист.—
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!
Дамон твой человек ужасный.
Забудь его опасный дом,
Где впрочем, сознаюся в том,
Мой друг, ты вел себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Ариста нежно утешал,
Давал полезные советы
И ни рубля не проиграл.
Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,
Порой грешит и проповедник.
Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:
Некто мой сосед,

В томленьях благородной жажды,
Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полдневного сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Немен; — на одном
Еще над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые.
Символ германца — на другом
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотел всю область Палемона
И племя чуждого закона
К своей подошве привлачить.

С медвежьей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пуком
Каленых стрел и с верным луком,
Литовцы юные, в толпах,
Со стороны одной бродили

И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже немец, за врагами
Недвижно следуя глазами,
Пищаль, с молитвой, заряжал.

Всяк переправу охранял.
Ток Немена гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

Kennst du das Land
Wilh. Meist.
По клюкву, по клюкву,
По ягоду, по клюкву . ..

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Кановы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?
— — — — — — — —
— — — — — — — —
Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
Людмила зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;
Ее приветствуют восторги.

Людмила северной красой,
Всё вместе — томной и живой,
Сынов Авзонии пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.

На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненьи вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой,
Их две... и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчаньи смотрит ли она
На образ нежный Форнарины,
Или Мадонны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины...

Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?

Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.
— — — — — — —

В. С. ФИЛИМОНОВУ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЭМЫ ЕГО «ДУРАЦКИЙ КОЛПАК»

Вам музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

TO DAWE, ESQr

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

ТЫ И ВЫ

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

26 мая 1828

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

И. В. СЛЁНИНУ

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться впрочем не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямым поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом.

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра̀,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

ЕЕ ГЛАЗА

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы...

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

К ЯЗЫКОВУ

К тебе сбирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь;
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись проклинаю
Я тяжесть денег и годов.

Прости, певец! играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

ПОРТРЕТ

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

НАПЕРСНИК

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

УТОПЛЕННИК

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята,—
Заворчал на них отец: —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я век не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река.
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — «Эй, впусти, хозяин!» —
«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
Ты умолкла, онемела;
Ах, ужель ты улетела,
Изменила навсегда!

В прежни дни твой милый лепет
Усмирял сердечный трепет —
Усыплял мою печаль,
Ты ласкалась, ты манила,
И от мира уводила
В очарованную даль.

Ты, бывало, мне внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушное дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
С нею спорила шутя.

Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;
Как любовник добродушный,
Снисходительно послушный,
Был я мучим и любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, как на небе толпилась
Олимпийская семья!
Ты бы с нею обитала,
И божественно б сияла
Родословная твоя.

Взяв божественную лиру,
Так поведали бы миру
Гезиод или Омир:
Феб однажды у Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.

Он бродил во мраке леса,
И никто, страшась Зевеса,
Из богинь иль из богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

Помня первые свиданья,
Усладить его страданья
Мнемозина притекла.
И подруга Аполлона
В тихой роще Геликона
Плод восторгов родила.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет мѝлого
Не убитого, живого.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко.
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

19 ОКТЯБРЯ 1828

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав *ура*,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым сыны Саади,
Порой восточный краснобай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

АНЧАР *

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

---

* Древо яда.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседам в чуждые пределы.

ОТВЕТ КАТЕНИНУ

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе во след опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый — мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнаса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦОВОЙ

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им — но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О, сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

ПОЭТ И ТОЛПА

Procul este, profani.

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.

Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор,— полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой.
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы...

ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ

КН. Н. С. ВОЛКОНСКОМУ

В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Увы! Язык любви болтливый,
Язык неполный и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
Ей милы мерные напевы,
Ей сладок рифмы гордый звон.
Тебя страшит любви признанье,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе в жизненной пустыне,
Во мне питая сердца жар,
Мне навлекал одно гоненье,

. . . .

Иль клевету, иль заточенье,
И редко хладную хвалу.

Н. Д. КИСЕЛЕВУ

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
    Но север забывать грешно,
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
    Чтоб с нами снова пить вино.

КИРДЖАЛИ

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, заветная река,
Обходит русские владенья,
При бедном устьи ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
В беспечной дикости живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь . . . . трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

Б. М. ФЕДОРОВУ

Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи;
Не усыпляй меня — иль после не буди.

ИЗ АЛЬБОМА А. П. КЕРН

* * *

Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он;
Я скажу тебе резон:
Невозможно!

* * *

Amour, exil —
Какая гиль!

* * *

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такого
Не смею громко произнесть!

* * *

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...
Я мыслю: «в день Ильи-пророка
Она была разведена!»

* * *

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей.

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

Уродился я, бедный недоносок,
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей
Заместо красного яичка
Поднес ученого скворца.
Известно вам: такая птичка
Умней иного мудреца.
Скворец, надувшись величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

За Netty сердцём я летаю
В Твери, в Москве —
И *R* и *O* позабываю
Для *N* и *W*.

Как быстро в поле, вкруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день — и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно...

Лищинский околел — отечеству беда!
Князь Сергий жив еще — утешьтесь, господа

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил из славы.

ОТРЫВКИ

* * *

Но ты забудь меня, мой друг,
Забудь меня, как забывают
Томительный печальный сон,
Когда поутру отлетают
И тень и . . . .

* * *

Но вы во мне почтили годы

* * *

Волненьем жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердцем алчу отдохнуть
И близ тебя, мой друг бесценный

* * *

Проснулся я — последний сон
Исчез — . . . . . улетает,
Но . . . . небосклон
Еще . . . . почивает

* * *

В рюмке светлой предо мною
Брызжет, пенится вино.

1829

ЕЛ. Н. УШАКОВОЙ

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом «Письмовник» снова хочет;
И, говорят, на-днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд,
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

ЭПИГРАММА

Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, нам смех, зоилу нос.
Иная брань конечно неприличность,
Нельзя писать: *Такой-то де старик,*
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовер,
(В своих статьях), бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

НА ВЕЛИКОПОЛЬСКОГО

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров —
И с радостью на карту б, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

ЭПИГРАММА

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

(При посылке бронзового Сфинкса.)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные
розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом
германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

КАЛМЫЧКЕ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног;
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov'e,
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу ввек
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
В встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coelum, sancta Rosa!
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

ИЗ ГАФИЗА

(Лагерь при Евфрате)

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встретит:
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

ОЛЕГОВ ЩИТ

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак?

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуэли,
Ты разрублен на войне,—
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

САПОЖНИК

(ПРИТЧА)

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?»...
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
«Суди, дружок, не свыше сапога!»

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах,
Но чорт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,

Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданая семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),—
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

ЭПИГРАММА

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
Пора, пора! сложи с себя венец:
Питомец твой младой, цветущий, здравый,
Тебя сменит, великий наш певец!
Се: внемлет мне маститый собеседник,
Свершается судьбины произвол,
Является младой его наследник:
Свистов II вступает на престол!

ЭПИГРАММА

Мальчишка Фебу гимн поднес.
«Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?» —
«Пятнадцать».— «Только-то? Эй, розгу!»
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу вслух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?
— — — — — — —

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирев,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудою лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вёл
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к *лаве*,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки
Крылов.

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот Глинка — божия коровка,
Вот Каченовский — злой паук,
Вот и Свиньин — российский жук,
Вот Олин — черная мурашка,
Вот Раич — мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграмах.

Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права,—

Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мутительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

ФАЗИЛЬ-ХАНУ

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Гафиза и Саади
Знакомы . . . . имена.

Ты посетишь наш край полночный,
Оставь же след . . . . .
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Всем упоеньям бытия.
Однажды,— слушайте, друзья,—
Он по Керамику скитался,
И вдруг из рощи вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею, между колонн,
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда, как сон,
Его красавица сокрылась.

НА КАРТИНКИ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ» В «НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ»

1

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись . . . . . о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосьё Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

2

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу . . . . . — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на . . . . . . изорвала
Конечно «Невский Альманах».

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И дале двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
В свои объятия тугие.

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги
Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла,
На гробах . . . . . Перикла,
На . . . . мраморных Афин.

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой.

НА НАДЕЖДИНА

Надеясь на мое презренье,
Седой зоил меня ругал,
И, потеряв уже терпенье,
Я эпиграммой отвечал.
Укушенный желаньем славы,
Теперь, надеясь на ответ,
Журнальный шут, холоп лукавый,
Ругать бы также стал.— О, нет!
Пусть он, как бес перед обедней,
Себе покоя не дает:
Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет.

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.

На походе, на войне
Сохранил я балалайку —
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.

Что таиться от друзей —
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

НА НАДЕЖДИНА

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.

МЁДОК

(МЁДОК В УАЛЛАХ)

Попутный веет ветр.— Идет корабль,—
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все,— идет, и пред кормой
Морская пена раздается.— Многим
Наполнилася грудь у всех пловцов.
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя взоры,
И в темных очерках ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс,— пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И господа благодарит, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и деве пресвятой,
И милостынь и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
Когда найдет он всё благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далек,
Сам Мѐдок погружен в воспоминанья
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветр
Звучит меж вервий, и корабль надежный
Бежит, шумя, меж волн.
Садится солнце.

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.

Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,
На заре . . . . алой,
Серебрится снежный прах.

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг? . . . я твой.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум игривый
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым.
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.

Еще исполнены великою женою,
    Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
    Екатерининских орлов.

    Садятся призраки героев
    У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
    Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
    Вот наваринский Ганнибал.

    Среди святых воспоминаний
    Я с детских лет здесь возрастал,
А глухо между тем поток народной брани
    Уж бесновался и роптал.
Отчизну обняла кровавая забота,
Россия двинулась, и мимо нас летят
И тучи конные, брадатая пехота,
    И пушек медных светлый ряд.

———

. . . .
    На юных ратников взирали,
    Ловили брани дальний звук,
И детские лета и . . . . . . проклинали
    И узы строгие наук.
И многих не пришло. При звуке песней новых
Почили славные в полях Бородина,
На кульмских высотах, в лесах Литвы суровых,
    Вблизи Монмартра . . . . .

Еще одной высокой, важной песни
Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
В разрушенном святилище твоем
Повешу я, да издает она,
Когда столбы его колеблет буря,
Печальный звук! Еще единый гимн —
Внемлите мне, пенаты,— вам пою
Обетный гимн. Советники Зевеса,
Живете ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние, всему
Причина вы по мненью мудрецов,
И следуют торжественно за вами
Великий Зевс с супругой белоглавой
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада,— вам хвала.
Примите гимн, таинственные силы!
Хоть долго был изгнаньем удален
От ваших жертв и тихих возлияний,
Но вас любить не остывал я, боги.
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа — . . . . зане там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым волненьем
Оставил я . . . . . . людское племя,

Дабы стеречь ваш огнь уединенный,
Беседуя с самим собою. Да,
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь,
В могуществе и немощах его,
Они меня любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства.
И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

Меж горных стен несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вкруг огромных скал,
То здесь, то там дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет —
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот . . . . обнажилось
Его кремнистое русло.

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

Страшно и скучно.
Здесь новоселье,
Путь и ночлег.
Тесно и душно.
В диком ущелье —
Тучи да снег.

Небо чуть видно,
Как из тюрьмы.
Солнцу обидно.
. . . .

ОТРЫВКИ

* * *

Трудясь над образом прелестной Ушаковой

* * *

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.

1830

ЦИКЛОП

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я...

ОТВЕТ

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содроганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлешь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень поневоле!

СОНЕТ

Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth.

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камоэнс облекал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

НА БУЛГАРИНА

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин,—
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

К ВЕЛЬМОЖЕ

(Москва)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,
К веселью, роскоши знак первый подавая.

Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То чтитель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкий отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют

С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,
Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептический причет,
И колкий Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, былое истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколенья.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,

И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.
Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

НОВОСЕЛЬЕ

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участья и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Кляну коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Кляну речей любовный шопот,
Стихов таинственный напев,
И ласки легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

МАДОННА

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

М. И. ГЛИНКА.

1804—1857.

Рисунок художника Н. Волкова. 1837 г.

БЕСЫ

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

ОТВЕТ АНОНИМУ

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим,—
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой,—
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье,—
«Тем лучше,— говорят любители искусств,—
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст». Но счастие поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...

— — — — — —

ТРУД

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: «Моя им сведена корова!» —
«Помилуй,— возопил глухой тому в ответ: —
Сей пустошью владел еще покойный дед».
Судья решил: «Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата».

ПРОЩАНИЕ

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут меняясь наши лета,
Меняя всё, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

ПАЖ

или

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

C'est l'âge de Chérubin . . .

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я защипнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.

Я нравлюсь дамам, ибо скромен,
И между ими есть одна...
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так тёмен,
Что жизни мне милей она.

Она строга, властолюбива,
Я сам дивлюсь ее уму —
И ужас как она ревнива;
Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.

Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; — право —
Вот какова ее любовь!

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нет! ни за что не назову!

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.
Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь
оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? —

Куда же ты? — В Москву — чтоб графских
именин
Мне здесь не прогулять.
— Постой — а карантин!
Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ

Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого
Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?.. Уж нет ли
Соперника здесь?..

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

РИФМА

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

ОТРОК

Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Д. В. ДАВЫДОВ.

1784—1839.

Портрет работы художника Д. Дау.

ЭПИГРАММА

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

ЗАКЛИНАНИЕ

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно, сюда! сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух:
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы.
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились домы янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик.— Тогда султан
Был духом гнева обуян.

ДЕЛЬВИГУ

Мы рождены, мой брат названый,
Под одинаковой звездой.
Киприда, Феб и Вакх румяный
Играли нашею судьбой.

Явилися мы рано оба
На ипподром, а не на торг,
Вблизи Державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

Избаловало нас начало.
И в гордой лености своей
Заботились мы оба мало
Судьбой гуляющих детей.

Но ты, сын Феба беззаботный,
Своих возвышенных затей
Не предавал рукой расчетной
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас ругали,
Упреки те же слышим мы:
Мы любим славу да в бокале
Топить разгульные умы.

Твой слог могучий и крылатый
Какой-то дразнит пародист,
И стих, надеждами богатый,
Жует беззубый журналист.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

ГЕРОЙ

Что есть истина?

Друг

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирилися цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?

Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля,— и молчит?

Поэт

Нет, не у счастия на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменый мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнию своей
Играл пред сумрачным недугом,

Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Друг

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас,— *
И где ж очарованье света!

Поэт

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Друг

Утешься . . . .

29 сентября 1830
Москва

---

* Mémoires de Bourrienne.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров.

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ними поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

ИЗ BARRY CORNWALL

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят.
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила;
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
«Кто, реши, любим тобою?» —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность.
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудреных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил
И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен.
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

ЦЫГАНЫ

Над лесистыми брегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает,
Пугливо он подножный лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые луга,
Глядит на синий свод небесный
И на днепровские брега,
Венчанны чащею древесной.
Недвижим, строен он стоит
И чутким ухом шевелит...

Но дрогнул он — незапный звук
Его коснулся — боязливо
Он шею вытянул и вдруг
С вершины прянул . . . . .

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в *эти*,
Те, те, те и *те, те, те*.

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила *эти*,
Те, те, те и *те, те, те*.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы *эти*,
Те, те, те и *те, те, те*

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была б без них мертва,
Как . . . . пустыня
И как алтарь без божества.

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине,
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне;
Когда людей повсюду видя
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый глас возненавидя,—
Тогда забывшись я лечу
Не в светлый край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
На пожелтелый мрамор плещет,
И лавр и темный кипарис
На воле пышно разрослись.
Где пел Торквато величавый,
Где и теперь во мгле ночной
Далече звонкою скалой
Повторены пловца октавы.

Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрою покрыт

И хладной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок

. . . .

ОТРЫВОК

Не розу пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
Не розу феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
Элизы моей...

ОТРЫВКИ

* * *

В пустыне
Пробился ключ,
Обложен камнями простыми.

* * *

Тому одно, одно мгновенье
Она цвела, свежа, пышна —
И вот уж вянет — и
. . . . опалена
Иль жар твоей груди
Младую розу опалил —

* * *

«Тебя зову на томной лире,
Но где найду мой идеал?
И кто поймет меня в сем мире?»
Но Анатоль не понимал...

* * *

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа — запад темно-красный,
Слева — бледная луна.

* * *

. . . . строгий свет
Смягчил свои предубежденья,
Или простил мне заблужденья
Давно минувших темных лет.

1831

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоем гробу восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О, старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,
Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм — в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!..»
Сбылось — и в день Бородина

Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы:
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В бореньи падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,

Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вкруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
　　На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
　　Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
　　И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
　　И ты, поэт!

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш.
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за верность и за веру)
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На заднице твоей сияет тот же ключ.
Ура! хвала и честь поэту-камергеру.
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

ИЗ ЗАПИСКИ К А. О. РОССЕТ

От вас узнал я плен Варшавы.
. . . .
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

ОТРЫВКИ

* * *

Так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на удаль плясовую
Да чешет голову седую,
Под лад плечами шевеля.

* * *

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный.

1832

I

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имев всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете».
Тут грешник жареный протяжно возопил:
«О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент неимоверный!» —
Тут звучно лопнул он — я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яицо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо,
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале —
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в подвале.

II

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной —
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалася вершиной
Гора стеклянная, как Арарат остра —
И разлегалася над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
Пустили вниз его смердящими когтями;
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком —
И обе сидючи пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им —
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел — смущением томим.

МАЛЬЧИКУ

(ИЗ КАТУЛЛА)

Minister vetuli, puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус.

В АЛЬБОМ А. О. СМИРНОВОЙ

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

В АЛЬБОМ кнж. А. Д. АБАМЕЛЕК

Когда-то (помню с умиленьем)
Я смел вас няньчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

ГНЕДИЧУ

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаяся лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана.

КРАСАВИЦА

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье,—
Но встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

К ***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется?.. Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастие того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

В АЛЬБОМ

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участьем
То место, где цветете вы.
Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу —
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

(ИЗ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКОГО)

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой—всё готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

(ИЗ АФЕНЕЯ)

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров
Старец, ослепший от лет, некогда Скирпал родил
И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
Славил и Вáтала он, молодого красавца: прохожий!
Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй, Феон!

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетной.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с главы слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею.

В АЛЬБОМ

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моем
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад,—
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.

ОТРЫВКИ

* * *

Одни стихи ему читала,
И щеки рделися у ней,
И тихо грудь ее дышала:
«Приди — жених души моей».

* * *

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнию пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

Я ехал в дальные края;
Не шумных . . . . . жаждал я,
Искал не злата, не честей,
В пыли средь копий и мечей

1833

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.

ВИНО

(ИОН ХИОССКИЙ)

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
Гордость внушающий нам, шумный заступник любви!

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой —
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином — хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобривой*.
Одним, одним не хороши...»
— А чем же? расскажи, служивый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка!

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись: о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно;
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусенька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря)

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась дòнага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! всё в печку поскакало.

Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я, не струся:

Домой? да! чорта с два! почем
Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, дурень, вот и конь.—
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись.— Вот сел я на коня,
Ищу уздечки,— нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды».

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать, так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить, так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый раз помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогами да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,

Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам не досужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета;
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха:
В Польше мало богатства и блеску,

Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе жонку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж видно убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?»
— «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?»
— «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

ВОЕВОДА

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле:
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, кликнул, чортов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы! — Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Всё пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье...
Воевода всё купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно»,—
Бедный хлопец прошептал: —
«Ветер, что ли; плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».—

— «Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец видно промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...

ОСЕНЬ

(ОТРЫВОК)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин.

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!

А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.

Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной
влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть? . . . . .
. . . .
. . . .

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
  Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
  Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
  Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
  Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
  В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
  Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
  Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
  Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
  Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань смотрителей ночных,
  Да визг, да звон оков.

Царей потомок Меценат,
Мой покровитель стародавный,
Иные колесницу мчат
В ристалище под пылью славной
И, заповеданной ограды
Касаясь жгучим колесом,
Победной ждут себе награды
И мнят быть равны с божеством.
Другие на свою главу
Сбирают титла знамениты,
Непостоянные квириты
Им предают . . . . . молву.

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченясь на лошадках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок —
. . . .
. . . .
А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крильцы.

Французских рифмачей суровый судия,
О классик Депрео, к тебе взываю я:
Хотя постигнутый неумолимым роком
В своем отечестве престал ты быть пророком,
Хоть дерзких умников простерлася рука
На лавры твоего густого парика;
Хотя, растрепанный новейшей вольной школой,
К ней в гневе обратил ты свой затылок голый,—
Но я молю тебя, поклонник верный твой,
Будь мне вожатаем. Дерзаю за тобой
Занять кафедру ту, с которой в прежни лета
Ты слишком превознес достоинства сонета,
Но где торжествовал твой здравый приговор
Глупцам минувших лет, вранью тогдашних пор.
Новейшие врали вралей старинных стоят —
И слишком уж меня их бредни беспокоят.
Ужели всё молчать да слушать? О беда!..
Нет, всё им выскажу однажды завсегда.

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша,
Постойте — наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем
Иль необдуманным одним поползновеньем,
И чешется у вас рука по пустякам,

Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Жуковым табачный торг завесть
И снискивать в труде себе барыш и честь,
Чем объявления совать во все журналы,
Вельможе пошлые кропая мадригалы,
Над меньшей собратьей в поту лица острясь,
Иль выше мнения отважно вознесясь,
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать — на будущие враки...

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
Светит месяц, тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ночной
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я молча, жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

Пой: «Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?»

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком станица боевая,
Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей
Качаясь плавает, как лебедь молодая.

Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась,
Широкая волна плеснула в острова

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
  А люди-то, люди —
  Ой люшеньки-люли!
  А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет
И ширинкой алой машет,
Заливается-поет:
«Я плясунья, я певица,
Ворожить я мастерица».

МЕРА ЗА МЕРУ

Дук

Вам объяснять правления начала
Излишним было б для меня трудом —
Не нужно вам ничьих советов.— Знаньем
Превыше сами вы всего. Мне только
Во всем на вас осталось положиться.
Народный дух, законы, ход правленья
Постигли вы верней, чем кто б то ни был.
Вот вам наказ: желательно б нам было,
Чтоб от него не отшатнулись вы.
Позвать к нам Анджело.
Каков он будет
По мненью вашему на нашем месте?
Вы знаете, что нами он назначен
Нас заменить в отсутствии, что мы
И милостью и страхом облекли
Наместника всей нашей власти, что же
Об нем вы мните?

Ескал

Если в целой Вене
Сей почести достоин кто-нибудь,
Так это Анджело.

Дук

Вот он идет

Анджело

Послушен вашей милостивой воле,
Спешу принять я ваши приказанья.

Дук

Анджело, жизнь твоя являет
То, что с тобою совершится впредь.

ПЛЕТНЕВУ

Ты хочешь, мой наперсник строгой,
Боев парнасских судия,
Чтоб . . . . тревогой
. . . .
На прежний лад . . . . . настроя,
Давно забытого героя,
Когда-то бывшего в чести,
Опять на сцену привести.
Ты говоришь: . . . .
Онегин жив, и будет он
Еще нескоро схоронен.
О нем вестей ты много знаешь,
И с Петербурга и Москвы
Возьмут оброк его главы.

ОТРЫВКИ

* * *

В славной, в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил-был дьяк с своей дьячихой.
Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал —
Сына им он даровал.

* * *

Толпа глухая,
Крылатой новизны любовница слепая,
Надменных баловней меняет каждый день,
И . . . . с ступени на ступень
Летят кумиры их, увенчанные ею.

1834

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром.

Я возмужал среди печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
Теперь утих дремотою минутной
И отразил небесную лазурь.

Надолго ли?.. а кажется прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Под каменным дождем, под воспаленным прахом,
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Стою печален на кладбище.
Гляжу кругом — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
. . . . . . изредка стучит.
Одна равнина справа, слева.
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Немые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 года, под названием La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine. *Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.*

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен; С. А. Собо-

левский, по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris. 18 janvier 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nonpareille» comme dit Rabelais nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beacoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passais l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je

me levais à dix heures, quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Banialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitullé: Dei costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Scto se bieli u *gorje* zelenoï

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*

Nodier a traduit bosco par *plaine verdoyante;* c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

1

ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ[1]

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозится
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,

Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку [2] ему досягает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги *богумилы.* [3]
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он на-голо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленах,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленах,
Его сын, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный *фалангой.* [4]

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами,
И промолвил потом Радивою:
«Будь над Боснией моей ты властелином,

Для гяур-христиан беглербеем».[5]
И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул
И сказал: «Дать кафтан Радивою![6]
Не бархатный кафтан, не парчевый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного».
Бусурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивоя.

Громко мученик господу взмолился:
«Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»

При сем имени церковь задрожала,
Всё внезапно утихнуло, померкло,—
Всё исчезло — будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Коё-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба,[7]
И пошли бусурмане на приступ.

2

ЯНКО МАРНАВИЧ

Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались, [8]
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Весело̀е было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побранились.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он тоскуя бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.

Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,
Потом лег и жене своей молвил:
«Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?»
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: «На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно».
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
«Посмотри, что ты видишь в окошко?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу, вон, малый огонёчек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою».
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
«Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?»
И жена, поглядев, отвечала:
«Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому».
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.

3

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ [9]

Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
Набекрень надели свои шапки
И сказали: «Возьмите нас с собою: [10]
Мы хотим воевать бусурманов».
Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: «Милости просим!»
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать. [11]
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки; [12]
Но лишь только заржали их кони,
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: «Господь бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям».
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли
С острия по самой рукояти.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар [13] с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: «Дети,

Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от Селихтара».
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивою,
Но и тут нас пало девятнадцать;
Закричал Георгий Радивою:
«Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;
Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из погибели вымчит».
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.
Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4

ФЕОДОР И ЕЛЕНА

. . . .
. . . .

Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
Поделом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду лиходею приходит,

От него он требует совета.
Жид сказал: «Ступай на кладбище,
Отыщи под каменьями жабу
И в горшке сюда принеси мне».

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под каменьями жабу[14]
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нарещи такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее — ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
«Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок».
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодице,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе всё шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,

Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выдти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится,
Поминутно сестрице повторяет:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый год проходит, и — Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему навстречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
«Где ж Елена?» наконец он молвил;
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой — и видит,
На постеле сидит его Елена.
«Встань, Елена», говорит Феодор.
Она встала,— он взглянул сурово.
«Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди».

Но Феодор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
«Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея».

Распорол он мертвое тело.
Что ж! — на место милого дитяти,
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: «Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди».

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:

«Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили».
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Феодор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

5

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ [15]

Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
«Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменья.

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:

Скоро там ты разбогатеешь
И воротишься в шитом доломане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гуслях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь».

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас бывало кого встречу,
Слышу: «Здравствуй, Дмитрий Алексеич!»
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

6

ГАЙДУК ХРИЗИЧ

В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый гайдук Хризич.[16]
С ним жена его Катерина,

С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выдти.
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
«Господь бог! помилуй наши души!»
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очи отирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую матерь,
Будто волк на спящую ко̀зу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
«Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодною смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих». [17]
Хризич встал и промолвил: «Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда».
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,
Семью пулями каждый из них прострелен;
Головы враги у них отсекли

И на копья свои насадили, —
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.

7

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

ИАКИНФА МАГЛАНОВИЧА[18]

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдетесь как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров,— и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизторе;
С мужем ей не скучно там.
Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет,— узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

8

МАРКО ЯКУБОВИЧ

У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
«Это что под горою там видно?»
Отвечает Марко Якубович:
«То кладбище наше родовое».
Говорит незнакомый прохожий:
«Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго».
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
«Три дня,— молвил,— ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.

Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин».

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.
Вдруг сказала молодая Зоя:
«Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле».
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Всё лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит,—
Посмотрел на ребенка и молвил:
«Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака, [19] поверь мне».

Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят,— труп румяный и свежий,—
Ногти выросли, как вороньи когти,

А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,—
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильною землею [20]
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
«Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий».

Вдруг собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марко;
Но старик молитвой его прóгнал.

В третий день вошел карлик малый,—
Мог бы он верхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прóгнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ

«Черногорцы? что такое? —
Бонапарте вопросил: —
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?

Так раскаятся ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам».

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты,—
Черногорцы таковы!

Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем,—
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом.

. . . .
. . . .

Идут тесно под скалами.
Вдруг, смятение!.. Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

«Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.
Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!»

Ружья грянули,— упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам.— «Это что? —
Удивясь, они сказали: —
Эхо, что ли?» Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу невзначай.

10

СОЛОВЕЙ

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота,—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота,—
Ворон конь мой притомился;
Как уж третья-то забота,—
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

11

ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
«Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи».
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово».
Старый Петро не слушает, грозится:
«Вот ужо, разбойник, тебе будет!»
Сын ему вперед забегает,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.
«Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушенье!»

Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
«Помоги мне, Георгий, я ранен!»
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встречу.
«Что, Георгий, куда делся Петро?»
Отвечает Георгий сурово:
«За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге». [21]
Догадалась она, завопила:
«Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!»
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12

ВОЕВОДА МИЛОШ

Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,
Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать бусурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали,—

Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы,— цыганы?
Или вы не мужчины,— старухи?
Вы бросайте ваши белые домы,
Уходите в Белийское ущелье,—
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13

ВУРДАЛАК

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Чрез кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит,—
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это верно кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

14

СЕСТРА И БРАТЬЯ[22]

Два дубочка вырастали рядом,
Между ними тонковерхая елка.
Не два дуба рядом вырастали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула,
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно;
Говорит она Радуловой любе:
«Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братьям?»
Отвечает Радулова люба:
«По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость».
Вот пошла Павлиха к водопою,
Да зарезала коня вороного
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,

На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола».
Стал Елицу допытывать Павел:
«За что это? скажи бога ради».
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
«Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченый».
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,

В головах нож висел злаченый.
Из ножен вынул его Павел,—
Нож злаченый весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
«Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?»
Сестра брату с плачем отвечает:
«Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части».
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха всё хворает,—
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
«Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,

У той церкви авось исцелюся».
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья».
Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих ко̀ней
И пусти их по чистому полю».
Своей любы послушался Павел.
Привязал ее к хвостам своих ко̀ней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там терны да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

15

ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ [23]

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,

В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любой идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча
И поехал своею дорогой.
Как одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеную воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка,—
Конь кружится по чистому лугу,

Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
«Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?»
Отвечает ему Водяница:
«Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей».
Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,
Обнял дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвил:
«Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхал, что она потонула».
Отвечает ему Водяница:
«Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба».
Водянице молвил королевич:
«Так иди же к водяной царице
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом».
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: «Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня попрежнему сладко,
Попрежнему полюблю тебя крепко».
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
«Нет, не выду, Яныш королевич,
Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, молодой женою?»
Отвечает Яныш королевич:
«Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит».

16

КОНЬ

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?

Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?»

Отвечает конь печальный:
«Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чапрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

[2] *Щиколодка*, по московскому наречию щиколка.

[3] Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.

[4] *Фаланга*, палочные удары по пятам.

[5] Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.

[6] *Кафтан*, обыкновенный подарок султанов.

[7] Анахронизм.

[8] Трогательный обычай *братования*, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами.

[9] Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.

[10] Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для влахов.

[11] Жиды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось

от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы.— Мериме.

[12] *Банялука*, прежняя столица Боснийского пашалыка.

[13] *Селихтар*, меченосец.

[14] Все народы почитали жабу ядовитым животным.

[15] Мицкевич перевел и украсил эту песню.

[16] *Гайдук*, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.

[17] Западные славяне верят существованию *упырей* (vampire). См. песню о *Марке Якубовиче*.

[18] Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусляре Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'aie vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *L'Aubépine de Véliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *tchingénehs* ou bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la

plupart.[1] Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine, qui l'avait rébaptisé, l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade, qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation.[2]

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitants des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par coeur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

---

[1] Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

[2] J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les moeurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des heyduques.[1]

Il vécut longtemps avec eux, même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les pandours.[2] Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfants.

[1] Espèce de bandits.

[2] Soldats de la police.

Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent, qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfants s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas ***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'oeil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien,

bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dinâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux, une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfants et petits-enfants me sautèrent au cou et quand je le quittai, son fils aîné me servit de

guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

[19] *Вурдалаки, вудкодлаки, упыри* — мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

[20] Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы.

[21] По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик мой умер; возьмите его с дороги».

[22] Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича.

[23] Песня о Яныше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю.

1835

(ИЗ АНАКРЕОНА)

ОТРЫВОК

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.

ОДА LVI

(ИЗ АНАКРЕОНА)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

ОДА LVII

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
И улыбалась ему, тихие слезы лия.

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных
мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот,— а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье,—
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый!.. Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоем звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко,—
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти,—
Вотще! —

. . . .
. . . .

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его приял.
В божественной крови яд быстрый побежал.
Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воет;
Стопами тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древеса; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветр; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

НА ИСПАНИЮ РОДНУЮ

I

На Испанию родную
Призвал мавра Юлиан.
Граф за личную обиду
Мстить решился королю.

Дочь его Родрик похитил,
Обесчестил древний род;
Вот за что отчизну предал
Раздраженный Юлиан.

Мавры хлынули потоком
На испанские брега.
Царство готфов миновалось,
И с престола пал Родрик.

Готфы пали не бесславно:
Храбро билися они,
Долго мавры сомневались,
Одолеет кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Спор решен был наконец:
Был на поле битвы пойман
Конь любимый короля;

Шлем и меч его тяжелый
Были найдены в пыли.
Короля почли убитым,
И никто не пожалел.

Но Родрик в живых остался,
Бился он все восемь дней —
Он сперва хотел победы,
Там уж смерти лишь алкал.

И кругом свистали стрелы,
Не касаяся его,
Мимо дротики летали,
Шлема меч не рассекал.

Напоследок, утомившись,
Соскочил с коня Родрик,
Меч с запекшеюся кровью
От ладони отклеил,

Бросил об земь шлем пернатый
И блестящую броню.
И спасенный мраком ночи
С поля битвы он ушел.

II

От полей кровавой битвы
Удаляется Родрик;
Короля опередила
Весть о гибели его.

Стариков и бедных женщин
На распутьях видит он;
Все толпой бегут от мавров
К укрепленным городам.

Все, рыдая, молят бога
О спасеньи христиан,
Все Родрика проклинают;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконец на берег моря
В третий день приходит он,
Видит темную пещеру
На пустынном берегу.

В той пещере он находит
Крест и заступ — а в углу
Труп отшельника и яму,
Им изрытую давно.

Тленье трупа не коснулось,
Он лежит окостенев,
Ожидая погребенья
И молитвы христиан.

И с мольбою об усопшем
Схоронил его король,
И в пещере поселился
Над могилою его.

Он питаться стал плодами
И водою ключевой;
И себе могилу вырыл,
Как предшественник его.

Короля в уединеньи
Стал лукавый искушать,
И виденьями ночными
Краткий сон его мутить.

Он проснется с содроганьем,
Полон страха и стыда;
Упоение соблазна
Сокрушает дух его.

Хочет он молиться богу
И не может: бес ему
Шепчет в уши звуки битвы
Или страстные слова.

Он в унынии проводит
Дни и ночи недвижим,
Устремив глаза на море,
Поминая старину.

III

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед всевышним
Заступился в небесах.

В сновиденьи благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одеян
И сияньем окружен.

И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,
И вещал ему угодник:
«Встань — и миру вновь явись.

Ты венец утратил царский,
Но господь руке твоей
Даст победу над врагами,
А душе твоей покой».

Пробудясь, господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,
В путь отправился король.

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалей

Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь некстати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

СТРАННИК

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»

II

И так я сетуя в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! —
Сказал я,— ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обресть убежище; а где? о горе, горе!»

III

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос, я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

IV

Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и вопросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: «Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,

И смерть меня страшит».
«Коль жребий твой таков,—
Он возразил,— и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?»
И я: «Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?»
Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь» —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
«Я вижу некий свет»,— сказал я наконец.
«Иди ж,—он продолжал:—держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг.

V

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно синея стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогий невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними

Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко,— здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ
Как старый холостяк, и вкруг него
Попрежнему всё пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты...
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА

ПОДРАЖАНИЕ ЛАТИНСКОМУ

Ты угасал, богач младой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что̀ сулили
Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон, к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану няньчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!»

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая ликуют;
Рабы как добрая семья
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюся я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь в точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

Что белеется на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Был бы снег — он уже бы растаял,
Были б лебеди — они б улетели.
То не снег и не лебеди белы,
А шатер Аги Асан-аги.
Он лежит в нем, весь люто изранен.
Посетили его сестра и матерь,
Его люба не могла, застыдилась.
Как ему от боли стало легче,
Приказал он своей верной любе:
«Ты не ищи меня в моем белом доме,
В белом доме, ни во всем моем роде».
Как услышала мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна.
Она слышит, на двор едут кони;
Побежала Асан-агиница,
Хочет броситься, бедная, в окошко,
За ней вопят две милые дочки:
«Воротися, милая мать наша,
Приехал не муж Асан-ага,
А приехал брат твой Пинторович».
Воротилась Асан-агиница,
И повисла она брату на шею —
«Братец милый, что за посрамленье!
Меня гонят от пятерых деток».

Менко Вуич грамоту пишет
Георгию, своему побратиму:
«Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча,
Ярый враг извести тебя хочет,
Недруг хитрый, Милош Обренович.
Он в Хотин подослал потаенно
Янка младшего с Павлом . . . .

Осердился Георгий Петрович,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови —

НА ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что есть чем сесть.

К кастрату раз пришел скрыпач,
Он был бедняк, а тот богач.
«Смотри, сказал певец . . . . ,—
Мои алмазы, изумруды —
Я их от скуки разбирал.
А! кстати, брат,— он продолжал,—
Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу».
В ответ бедняга равнодушно:
— Я? я . . . . . себе чешу.

ПЛЕТНЕВУ

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман наш продолжать
И строгий век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что с целию полезной
Тревогу славы можно сочетать,
И что . . . . нашему собрату
Брать с публики умеренную плату.

Ты говоришь: пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен — нет причины
Его прервать... к тому же план счастлив —

Вы за «Онегина» советуете, други,
Опять приняться мне в осенние досуги.
Вы говорите мне: он жив и не женат.
Итак, еще роман не кончен — это клад:
Вставляй в просторную, вместительную раму
Картины новые — открой нам диораму:
Привалит публика, платя тебе за вход —
(Что даст еще тебе и славу и доход).

Пожалуй — я бы рад —
Так некогда поэт
. . . .

В мои осенние досуги,
В те дни, как любо мне писать,
Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучгиво
Роман не конча перервать,
Отдав уже его в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывесть вон.

Вы говорите: «Слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен — понемногу
Иди вперед; не будь ленив.
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью —
Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,

И келью . . . . и харем
И с нашей публики меж тем
Бери умеренную плату,
За книжку по пяти рублей —
Налог не тягостный, ей-ей».

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?..
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться,
Но нечего об этом толковать.
Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем погибнул
Я с участью моей.—

Если ехать вам случится
От **** на *,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов,—
От большой дороги справа,
Между полем и холмом,
Вам представится дубрава,
Слева сад и барский дом.

Летом, в час, как за холмами
Утопает солнца шар,
Дом облит его лучами,
Окна блещут как пожар,
И, ездой скучая мимо
. . . . развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил,
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил,—
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь.
Народ завыл, объятый страхом,
Главу покрыв золой и прахом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, как поясом узорным,
Препоясалась высота.

И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный —
И гнев в нем душу помрачил...
И свой совет разноплеменный
Он — любопытный — вопросил:
«Кто сей народ? и что их сила,
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого?..»
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
И рек — и Олоферн со трона
Склонил к нему и слух и взор.

На это скажут мне с улыбкою неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите — вам слава не нужна,
Смешной и суетной вам кажется она;
Зачем же пишете? — Я? для себя.— За что же
Печатаете вы? — Для денег.— Ах, мой боже!
Как стыдно! — Почему ж?

— Не видала ль, девица.
Коня моего?
— Я видала, видела
Коня твоего.
— Куда, красна девица,
Мой конь пробежал?
— Твой конь пробежал
На Дунай реку —

Бежал твой конь,
Тебя проклинал —
Тебя проклинал
. . . .

ОТРЫВКИ

*
* *

То было вскоре после боя,
Как счастье бросило героя,
И рать побитая кругом
Лежала . . . .

*
* *

Плывет корабль как лебедь громовержец

*
* *

Как редко плату получает
Великий добрый человек
. . . .
. . . . . . в кой-то век

За все заботы и досады
(И то дивиться всякий рад!)
Берет достойные награды
Или достоин сих наград

*
* *

Развратник радуясь клевещет,
Соблазн по городу гремит,
А он, хохоча, рукоплещет

*
* *

Не вижу я твоих очей,
И сладострастных и суровых...

1836

Д. В. ДАВЫДОВУ

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой.

ХУДОЖНИКУ

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов, и богинь, и героев!.. Вот Зевс громовержец,
Вот из подлобья глядит, дуя в цевницу, сатир.
Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов.
Тут Аполлон — идеал, там Ниобея — печаль...
Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров —
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! как бы гордился тобой!

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ

Когда великое свершилось торжество,
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим — поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? —
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей? —
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ)

Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей
смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова.* *
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья,
Вот счастье! вот права...

---

* Hamlet.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут,—
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;

Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

Exegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ

(ОТРЫВОК ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ)

Начнем ab ovo:
                    Мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей.
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода
(Гласит Софийский хронограф).
При Ольге сын его Варлаф
Приял крещенье в Цареграде
С приданым греческой княжны.
От них два сына рождены,
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб, а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью
И в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен как комар
Задами тяжкими татар.
Зато со славой, хоть с уроном,

Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар,
Между Непрядвою и Доном,
Ударя с тыла в табор их
С дружиной суздальцев своих.

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамол и смут во дни кровавы
Блестят Езерских имена.
Они и в войске, и в совете,
На воеводстве, и в ответе *
Служили доблестно царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких *пересев.* **

Когда от Думы величавой
Приял Романов свой венец,
Как под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вòроги смирились,—
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе,
При императоре Петре...
Но извините: статься может.
Читатель, вам я досадил;

---

* В посольстве.

** *Пересесть кого,* старинное выражение значит занять место выше.

Ваш ум дух века просветил,
Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой.

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав, князь Курбский, иль Ермак,
Или Митюшка целовальник,
Вам всё равно. Конечно, так:
Вы презираете отцами,
Их славой, честию, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещенья ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою *собственных заслуг*,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ;
Но каюсь: новый Ходаковский, *
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды; что спроста
Из бар мы лезем в tiers-état,
Что нам не впрок пошли науки,

---

* Известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад.

И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осёл:
Дух века вот куда зашел!

Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел двенадцать тысяч душ;
Из них отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вкруг человека,—
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицы[1].
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей,—
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлися новы тучи,
И ураган их . . . .

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ

Юноша, полный красы, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч,— тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуся,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро опѐрся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удàлой игре.

От меня вечор Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: «Постой, куда?»
А она мне возразила:
«Голова твоя седа».
Я насмешнице нескромной
Отвечал: «Всему пора!
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора».
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: «Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам».

От западных морей до самых врат восточных
Не многие умы от благ прямых и прочных
Зло могут отличить... рассудок редко нам
Внушает . . . .

«Пошли мне долгу жизнь и многие года!»
Зевеса вот о чем и всюду и всегда
Привыкли вы молить — но сколькими бедами
Исполнен долгий век! Во-первых, как рубцами,
Лицо морщинами покроется — оно
. . . . превращено.

Кн. КОЗЛОВСКОМУ

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов английских, любовник муз латин-
ских,
Ты к мощной древности опять меня манишь,
Ты снова мне . . . . велишь.
Простясь с . . . . . . мечтой и бледным идеалом,
Я приготовился бороться с Ювеналом,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
Стихами перевесть я было дал обет.
Но, развернув его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья...
Стихи бесстыдные приапами торчат,
В них звуки странною гармонией трещат —

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
«Сеньор, послушайтесь меня:
Пускаться в путь теперь не время,
В горах опасно, ночь близка,
Другая вента далека.
Останьтесь здесь: готов вам ужин;
В камине разложен огонь;
Постеля есть — покой вам нужен,
А к стойлу тянется ваш конь».
— «Мне путешествие привычно
И днем и ночью — был бы путь,—
Тот отвечает,— неприлично
Бояться мне чего-нибудь.
Я дворянин,— ни чорт, ни воры
Не могут удержать меня,
Когда спешу на службу я».
И дон Альфонс коню дал шпоры,
И едет рысью. Перед ним
Одна идет дорога в горы
Ущельем тесным и глухим.
Вот выезжает он в долину;
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь,
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела

Висят. Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.
То были трупы двух гитанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных и там
Оставленных в пример ворам.
Дождями небо их мочило,
А солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.
И шла молва в простом народе,
Что, обрываясь по ночам,
Они до утра на свободе
Гуляли, мстя своим врагам.

Альфонсов конь всхрапел и боком
Прошел их мимо, и потом
Понесся резво, легким скоком,
С своим бесстрашным седоком.

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

1827—1836

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ

Куда ты холоден и сух!
Как слог твой чопорен и бледен!
Как в изобретеньях ты беден!
Как утомляешь ты мой слух!
Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь налегке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе,
Или на Красном кабачке?

ЗОЛОТО И БУЛАТ

«Всё мое»,— сказало злато;
«Всё мое»,— сказал булат.
«Всё куплю»,— сказало злато;
«Всё возьму»,— сказал булат.

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой,—
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким...

Твои догадки — сущий вздор:
Моих стихов ты не проникнул.
Я знаю, ты картежный вор,
Но от вина ужель отвыкнул?

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

Зачем я ею очарован?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнию моей

— ——

Она глядит на вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Свою мне ножку подала.

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом Польша опьянела,
И смертная борьба . . . . . . началась,
При клике «Польска не згинела!» —

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда . . . . бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

. . . . . . Варшавы бунт . . . .
. . . . в дыме
Поникнул ты главой и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

РОДРИГ

Чудный сон мне бог послал —
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес.
Скоро странствию земному
Твоему придет конец.
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец...
Путник — ляжешь на ночлеге,
В гавань, плаватель, войдешь.
Бедный пахарь утомленный,
Отрешишь волов от плуга
На последней борозде.

Ныне грешник тот великий,
О котором предвещанье
Слышал ты . . . . . давно —
Грешник жданный . . . . .
Наконец к тебе придет
Исповедовать себя,
И получит разрешенье,
И заснешь ты вечным сном».

Сон отрадный, благовещный —
Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь,
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, творец.
Но твоя да будет воля,
Не моя.— Кто там идет?..

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утратя молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых снов воображенья,
Для чувств . . . . всего.

ОТРЫВКИ

* * *

Друг сердечный мне намедни говорил:
По тебе я, красна девица, изныл,
На жену свою взглянуть я не хочу —
А я всё-таки . . . .

* * *

Конечно презирать не трудно
Отдельно каждого глупца,
Сердиться так же безрассудно
И на отдельного страмца.

—— —

Но что . . . . чудно —
Всех вместе презирать и трудно —

———

Их эпиграммы площадные,
Из Бьеврианы занятые

* * *

Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.

* * *

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

* * *

Сей белокаменный фонтан,
Стихов узором испещренный,
Сооружен и изваян
. . . .
Железный ковшик . . . . .
. . . .
. . . . . . цепью прицепленный
Кто б ни был ты: пастух, . . .
Рыбак иль странник утомленный,
Приди и пей.

* * *

Еще в ребячестве бессмысленно лукавом
Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зерцалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой.

PROLOGUE

(ПЛАН СТИХОТВОРЕНИЯ)

Я посетил твою могилу — но там тесно; les morts m'en distraient — теперь иду на поклонение в Царское Село и в Баболово.

Царское Село!.. (Gray) les jeux du Lycée, nos leçons... Delvig et Kuchelbecker, la poésie —

Баболово

КОЛЛЕКТИВНОЕ

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ

КОЛЛЕКТИВНОЕ

В. Л. ПУШКИНУ

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
Буянов в старину, а нынешний Храбров,
Меж проповедников Парнаса — Прокопович!
Пленительный толмач и граций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы печемся здесь о вечном винограде
И соком лоз его пьем здравие твое.

Надо помянуть, непременно помянуть надо:
Трех Матрен
Да Луку с Петром;
Помянуть надо и тех, которые, например:
Бывшего поэта Панцербитера,
Нашего прихода честного пресвитера,
Купца Риттера,
Резанова, славного русского кондитера,
Всех православных христиан города Санкт-Питера,
Да покойника Юпитера.
Надо помянуть, непременно надо:
Московского поэта Вельяшева,
Его превосходительство генерала Ивашева,
И двоюродного братца нашего и вашего.
Нашего Вальтера Скотта Масальского,
Дона Мигуэля, короля Португальского,
И господина городничего города Мосальского.
Надо помянуть, помянуть надо, непременно надо:
Покойной Беседы члена Кикина,
Российского дворянина Боборыкина
И известного в Банке члена Аникина,
Надобно помянуть и тех, которые, например, между прочими:
Раба божия Петрищева,
Известного автора Радищева,

Русского лексикографа Татищева,
Сенатора с жилою на лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,
Пушкина, не Мусина, не Онегинского, а Бобрищева,
Ярославского актера Канищева,
Нашего славного поэта шурина Павлищева,
Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева
И, ради Христа, всякого доброго нищего.
Надо еще помянуть, непременно надо:
Бывшего французского короля Дисвитского,
Бывшего варшавского коменданта Левицкого
И полковника Хвитского,
Американца Монрое,
Виконта Дарленкура и его Ипсибое
И всех спасшихся от потопа при Ное,
Музыкального Бетговена,
И таможенного Овена,
Александра Михайловича Гедеонова,
Всех членов старшего и младшего дома Бурбонова,
И супруга Берийского неизвестного, оного,
Камер-юнкера Загряжского,
Уездного заседателя города Ряжского,
И отцов наших, державшихся вина фряжского,
Славного лирика Ломоносова,
Московского статистика Андросова
И Петра Андреевича, князя Вяземского курносого,
Оленина Стереотипа
И Вигеля, Филиппова сына Филиппа,
Бывшего камергера Приклонского,
Господина Шафонского,
Карманный грош князя Григория Волконского
И уж Александра Македонского,
Этого не обойдешь, не объедешь, надо
Помянуть... покойника Винценгероде,

Саксонского министра Люцероде,
Графиню вицеканцлершу Нессельроде,
Покойного скрыпача Роде,
Хвостова в анакреонтическом роде,
Уж как ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего приятеля Велегорского
(Что не любит вина горского),
А по нашему Велеурского,
Покойного пресвитера Самбурского,
Дершау, полицмейстера С.-Петербургского,
Почтмейстера города Василисурского;
Надо помянуть — парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,
Ланского, что губернатором в Костроме,
Доктора Шулера, умершего в чуме,
И полковника Бартоломе.
Повара али историографа Миллера,
Немецкого поэта Шиллера
И Пинети, славного ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебе) Арндта,
Да англичанина Warnta,
Известного механика Мокдуано,
Москетти, московского сопрано
И всех тех, которые напиваются рано.

Натуралиста Кювье
И суконных фабрикантов города Лувье,
Французского языка учителя Жиля,
Отставного английского министра Пиля,
И живописца-аматера Киля.
Надобно помянуть:
Жуковского балладника
И Марса, питерского помадника.

Надо помянуть:
Господ: Чулкова,
Носкова,
Башмакова,
Сапожкова
Да при них и генерала Пяткина
И князя Ростовского-Касаткина.

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь
Иль в Булгарина наступишь.

КАНОН В ЧЕСТЬ М. И. ГЛИНКИ

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

В честь толь славныя новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвеину стакан.

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ

Кнж. С. А. УРУСОВОЙ

Не веровал я троице доныне:
Мне бог тройной казался всё мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСНИ И СКАЗКИ, СОБРАННЫЕ И ЗАПИСАННЫЕ ПУШКИНЫМ

1. ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

1

ПЕСНЯ О СЫНЕ СЕНЬКИ РАЗИНА

В городе-то было во Астрахане,
Появился детина, незнамый человек.
Он щеголем по городу похаживает,
Черный бархатный кафтан на размашечку надет,
Черна шапка пуховая на его русых кудрях,
Свой персидский кушачок во правой руке несет.
Он боярам государевым не кланяется,
К Астраханскому воеводе под суд нейдет.
Как увидел молодца воевода со крыльца,
Закричал он, воевода, громким голосом своим:
«Ой, есть ли у меня слуги верны молодцы?
Вы сходите, приведите удалого молодца».
Как поймали молодца во цареве-кабаке,
Приводили удалого к воеводе на двор;
А уж стал воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, детина, незнамый человек,
Чьего рода, чьего племени, чей отеческий сын?
Иль из нашего города, из Астрахани?
Или со Дону казак иль казацкий сын?»
— Я не с вашего городу, не с Астрахани,
Я не с Дону казак, не казацкий сын.
Я со Камы со реки, Сеньки Разина сынок.
Взялся батюшка у вас завтра в гости побывать,
Ты умей его приняти, умей подчивати.
Рассердился воевода на удалого молодца,
Закричал тут воевода громким голосом своим:

«Что есть ли у меня слуги верны молодцы?
Вы возьмите, отведите удалого молодца.
Посадите удалого в белу-каменну тюрьму».

2

Как на утренней заре, вдоль по Каме по реке,
Вдоль по Каме по реке легка лодочка идет,
Во лодочке гребцов ровно двести молодцов.
Посреди лодки хозяин Сенька Разин атаман.
Закричал тут хозяин громким голосом своим:
«А мы счерпнемте воды изо Камы со реки».
Мы исчерпнули воды изо Камы со реки,
Припечалился хозяин Сенька Разин атаман:
«Знать-то знать, что мой сыночек во неволюшке сидит,
Во неволюшке сидит в белокаменной тюрьме».
— Не печалься, наш хозяин, Сенька Разин атаман:
Белокаменну тюрьму по кирпичу разберем,
Твоего милого сына из неволи уведем,
Астраханского воеводу под суд возьмем.

3

Во славном городе во Киеве
У славного царя у Владимира,
Жила была молода вдова.
У вдовушки было девять сынов —
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, *пелегали* [1] —
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали,
По край моря, за Морьянина.
Они прижили малого детища.
Она год живет и другой живет.

---

[1] Лелеяли.

На третий год стосковалася.
Стала она Морьянина в гости звать:
«Пойдем, Морьянин-свет,
Ты к теще, а я к матушке,
Ты к шурьям, а я к милым братьям».
Они день идут и другой идут,
На третий день становилися.
Нарубили[1] огонечек малёшенек,
Пустили дымочек тонёшенек;
Напали воры, разбойники,
Они Морьянина зарезали,
Морьянинка в воду бросили,
Морьянинку во полон взяли.
Как все-то разбойнички стали пить и есть,
Один-то разбойничек ни пьет, ни ест,
Ни пьет, ни ест, богу молится.
Все разбойнички спать легли,
Один-то разбойничек ни спит, ни лежит,
Господу богу молится.
И стал он у Морьянинки расспрашивать:
«Ты скажи, скажи, Морьянинка,
С какого ты села-города?
И которого отца-матери?»
Стала ему Морьянинка рассказывать:
«У славного царя у Владимира
Жила была молода вдова;
У вдовушки было девять сынов —
Десятая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали,
Девять сынов под разбой пошли,
Десятую дочь замуж выдали,
По край моря за Морьянина».

[1] Развели.

— Вставайте, братцы родимые!
Не Морьянина мы зарезали,
Не Морьянинка в воду бросили,
Не Морьянинку во полон взяли:
Мы зарезали зятя любезного,
В воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полон.—
Вставали братцы родимые,
Просили у сестры прощеньица:
«Отчего ты нам не сказалася,
Что ты нам родна сестра?»
Пошли братцы к родной матушке,
Становились на коленки все
И просили у нее прощеньица:
«Прости нас, родная матушка,
Не знавши, зарезали зятя любезного,
В воду бросили племянника,
Родну сестру взяли во полон».

4

Как за церковью, за немецкою,
Добрый молодец богу молится:
Как не дай боже хорошу жену,—
Хорошу жену в честный пир зовут,
Меня молодца не *примолвили;*[1]
Мою жену — в новы саночки,
Меня молодца — на запяточки.
Мою жену — на широкий двор,
Меня молодца — за вороточки.

5

Друг мой милый, красно солнышко мое,
Сокол ясный, сизокрылый мой орел,

---

[1] Пригласили.

Уж неделю не видалась я с тобой,
Ровно семь дней как спозналась с горем я.
Мне не взмилились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и мячи,
Не по нраву, не по мысли мне пришли.
Я скиталася по темныим лесам,
В темном лесе канареички поют,
Мне девчонке грусть-назолу придают.
Ты не пой, канареичка, в саду,
Не давай тоски сердечку моему.

6

Во лесах во дремучиих
Тут брала девка ягоды,
Брамши-то она в лесу заблудилася,
Заблудимши она приаукнулась:
«Ты ау, ау, мой любезный друг,
Мой любезный друг, жизнь душа моя».
— Уж я рад бы тебе откликнулся,
За мной ходят трое сторожей:
Первый сторож — родной батюшка,
Второй сторож — мила матушка,
А третий сторож — молода жена!

7

Не беленька березанька к земле клонится,
Не камыш трава во чистом поле расшаталася,—
Зашатался, загулялся добрый молодец,
В одной тоненькой кармазиновой черкешучке.
У черкешучки рукавчики назад закинуты,
Камчатные его полочки назад загнуты,
За плечьми несет ружьецо знать турецкое,
Во правой руке он присошечек карновенький,
Он присошечком добрый молодец подпирается

Горючьми слезми разудаленький заливается.
Вдруг несчастьице над молодцом случилось,
Поднималася с гор *погорушка* всё *хурта вьюга*,
Всё хурта подымалась с гор, погорушка полуденная
Собивала-то она добра молодца со дороженьки,
Прибивала-то она молодца ко городу,
Ко тому же то ко городу ко незнамому.

8

Один-то был у отца у матери единый сын,
И того-то берут разудаленького в службу царскую,
По указу его берут, разудаленького, государеву.
Он со вечера стал разудаленький коня седлать.
Ко полуночи стал разудаленький с двора съезжать,
Отец-то и мать его, разудаленького, провожать пошли,
Провожали его, разудаленького, весь и род племя.
Позади-то его идет горюшенька молода жена;
Молоду жену, белую лебедушку, уговаривает:
«Воротись ты, жена, воротись, душа — лебедушка белая,
Впереди-то у нас всё огни горят, огни неугасимые».
—Разудаленький добрый молодец, меня не обманывай,
Горит у тебя молодца ретиво сердце.

9

Как у нас было на улице,
У нас на широкой,

Красны девки разыгрались,
Молодушки расплясались.

Одна девка лучше всех,
На ней лента шире всех.

Девка парню говорила
И всю правду объявила.

Послушай-ка, мой милòй,
Сердце-радость дорогой,

Мой батюшка не лихой,
Тебе будет не чужой.

ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В КОПИЯХ В СОБРАНИИ ПЕСЕН П. В. КИРЕЕВСКОГО

А. ПЕСНИ СВАДЕБНЫЕ

1

Береза белая!
Береза кудрявая!
Куда ты клонишься?
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,
Куда ветер повеет.—
Княгиня-душенька!
Куда ты лàдишься?
— Туда я лажуся,
Куда батюшка отдает
С родимой матушкой.

2

Дня за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестиной. Брат ее или ближний родственник

носит его по улице. Это называют: *красу носить*. Между тем поют:

Трубчистая коса
Вдоль по улице шла,
Жемчужная пчелочка
За нею гонялася,
За нею гонялася,
За косу хваталася:
«Коса ты, косынька!
Ужели ты моя?»
— Я тогда буду твоя,
Как в божью церковь вступлю,
Золотой венец приму! —

3

Невесту ведут в баню, в девичник, накануне свадьбы:

Затопися, баненька,
Раскалися, каменка!
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонушке,
По родимой матушке,
По родимому батюшке, и проч.

4

В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая:

Как-то мне будет в чужие люди идти?
Что как будет назвать свёкра батюшкой?
А как будет назвать свекровь матушкой?
(т. е. стыдно)

Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшко!
Али я тебе, молодёшенька, принаскучила? и пр.

Из бани пришед, девушки чешут ей голову, оденут, посадят за стол.— Жених приезжает со своими холостыми товарищами. Они друг друга дарят. В день свадьбы девушки с пеньем одевают ее; потом сажают одну за стол перед блюдом, куда все кладут деньги, за что она молча кланяется. Потом отец ее и мать выводят ее посередь комнаты и начинают благословлять, после чего идет невеста, крестясь, садится, чтоб ехать к венцу. Все девушки за нею; также крестятся.

5

Собрала невеста подружек,
Посадила подружек высоко;
А сама села выше всех,
Наклонила головушку ниже всех,
Думает думушку крепче всех:
«Что долго нет Ивана?
Мне посла послать — некого,
Мне самой идтить — некогда.
Я хотя пойду — не дойду;
Я хотя дойду — не найду;
Я хотя найду его,—
Позвать к себе не смею».

6

Поется, если жених приехал издалеча.

Как при вечере, вечере,
При последнем часу̀ времечке,
При княгинином девичнике
Вылетал же млад ясён сокол;

Он садился на окошечко,
На серебряну решеточку,
На шелкову занавесочку.
Как увидела да узрела
Свет княгинина матушка:
«Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Доброго молодца заезжего!
Свет Ивана Александровича!»
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:
Скоры ножки подломилися,
Белы руки опустилися,
Красота с лица сменилася.—

7

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролегала тут дороженька;
Пробегал тут добрый конь;
За конем бежит добрый молодец;
У ворот стоит красна девица.
Как возго́ворит добрый молодец:
«Перейми коня, красна девица!»
— Мне нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены.—
Возговорит добрый молодец:
«Не приманывай, красна девица,—
Не травой ноги спутаны,

Не росой глаза замочены:
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горючьми слезми!»

8

Про жениха, как взойдет к невесте.

Как сказали-то, Иванушка хорош да хорош!
Чорт у него, не хорòшество!
Сам шестòм
Голова пестòм
Уши ножницами,
Руки грàбельками,
Ноги вилочками,
Глаза дырочками.
Соловьи̇̀ны-то глаза
По верхàм глядят;
По верхам глядят,
Они каши хотят.
Вчера каша сваренà,
Вчера съѐдена была.
Шея-то синя̀я
Быдто в пѐтле была!
Нос-от синь,—
Это свахин сын!

9

Ты, невеста, перед кем стоишь?
Перед кем стоишь, на кого глядишь?
Он тебе чуж чуженек,
У него поросячий душок!
Он с курами клевал,
С поросятами едал!

10

Как в долу-то берёзынька белёхонька стоит,
А наша невеста белее ее,
Белее ее снегу белого лицо.
Шла наша невеста с высокого терема,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино всё пролила,
Всё глядючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на кудѐрушки его:
«Видать ли мне, кудѐрушки, вас у себя?
На правой на ручушке на золотом перстеньке?»

11

О горе, горе!
То невестино!
О горе, горе!
Ты невестушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назад,
О горе, горе!
Что подружек-то стоят!
О горе, горе!
Что подружки говорят,
О горе, горе!
Что наказывают,
О горе, горе!
Что приказывают:
О горе, горе!
«Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
Ты с кроватушки долой!»
О горе, горе!

— Вы, лебедушки,
  О горе, горе!
Вы подруженьки!
  О горе, горе!
Мне нельзя спихнуть!
  О горе, горе!
В головах-то у него
  О горе, горе!
Плетка шелковая;
  О горе, горе!
Она об осьми хвостов,
  О горе, горе!
Она больно бьет,
  О горе, горе!
Приговаривает:
  О горе, горе!
«Не зови-ко худяком,
  О горе, горе!
Зови добрым молодцом!»
  О горе, горе!

12

Мы все песенки перепели,
У нас горлушки пересохли!
Мы князьева пива не пивали,
У княгини дары увидали.
У княгини дары миткаль́ны,
А князево пиво облива,
На собаку льешь, облезет.

13

В сыром бору на клену
Висит колыбель на шелку;
В колыбели лежит Иванушко,

Перед ним стоят бояры:
«Вскачните колыбель высоко!
Столь высоко, выше клену стоячего,
Ниже облака ходячего,
Чтобы видно было тестев двор,
Чтобы видно было тещин терём!»
В терему гуляет княгиня,
По имени зовут ее Катерина;
Каленые орешки считает,
Шитою ширинкою махает:
Ты сюды, сюды, Иван, князь!
Как здесь твое суженое,
Здесь твое ряженое:
Здесь твоя княгиня,
По имени Катерина.

14

Поется на девичнике жениху.

Висит колыбель на шелку,
В колыбельке лежит князь молодой:
Вскачните колыбель высоко,
Вы столь высоко — выше клену,
Чтоб был виден тестев двор,
Тестев двор, тещин терём.
В этом терему ходит гуляет,
Ходит гуляет княгиня душа,
Шелковым платком помахивает:
«Ты сюда, сюда, молодой князь!
Здесь твоя суженая, твоя ряженая!»

15

Поется на девичнике.

Сватушка гость, богатый, тороватый;
Он с гривны на гривну ступает,

Он рублем вороты запирает,
Он полтиной вороты отпирает.
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

16

На девичнике свата корят.

Все песни перепели,
Го̀рлушки пересохли!
А сва̀тушка рыжий
По берегу рыщет,
Хочет удавиться,
Хочет утопиться,
От красных девок,
От белых лебёдок.
Дари, дари девок!
Дари лебёдок!
Не станешь дарити —
Мы пуще корити!
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

17

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку про̀лили
Всю капусту по̀лили.

Верее молилися:
«Верея вереюшка!
Укажи дороженьку
По невесту ехати!»
Сватушко, догадайся!
За мошоночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам норовятся,
А копейка ребром становится,
Она к девушкам норовится!

18

А у свата сводника
Лихорадка с болестью,
Она с черной немочью
На печи под шубою,
На дворе нагишкою!
По морозу босиком,
По кроле нагишом!
Ему чирий в голову,
А другой в бороду,
Третий в ручушку,
Четвертый в ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шуты полыскали,
По кучам таскали,
Братом называли:
Ты сватушко, братец!
Дари, дари девок,
Дари, дари красных!
Станешь дарити —
Не станут корити.

19

Эту песню поют девушки, гуляя по улице, водя под руки покровенную невесту.

Уже вечер на дворе вечереется,
Уж красное солнышко за̀ лес котится,
Что частые-то звездочки высыпаются,
У меня ли молодёшеньки некрасованой
С моими ла̀стушки, сестрицы, милыми подружки.
Я пойду ли спрошусь у родимой матушки:
Ты, сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебя прошуся, не красоватися,
Я развеять свою кручинушку великую.
Я пойду ль, молодёшенька, во чисто̀ поле,
Я ударюсь, молодёшенька, о сыру́ землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
Ты раздайся ли, мать сыра̀ земля!
Ах, ты встань, ты встань, родной батюшко! *
Ты приди ко мне, горюше молодёшеньке,
На мою ли на смиренную на беседушку!
Снарядить-то меня, горюшу, есть кому,
А благословить-то меня некому.
Мы взойдем-ка ли, сестрицы, в новые сени,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
Неужели ж я молодёшенька тяжелёшенька?
С моим ластушкам, сестрицам, милым подружкам?
Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!

---

* Если невеста не сирота, то, разумеется, выпускаются стихи, обращенные к покойному отцу, или заменяются другими, импровизированными.

Отвори-тка свой высо̀к терём!
Не зноби меня горюшу молодёшеньку!
Я и так молодёшенька назяблася.
Я сяду молодёшенька под окошечком.
Не летит ли мой кормилец батюшко?
Мы пойдемте-тка, сестрицы, вдоль по улице,
Вы кладите-тка следочки частёхонько.
Уливайте следочки горючьмѝ слезмѝ.
Опослѐ пойдет родимая матушка.
«Не княгиня тут гуляла, не боярыня,
Тут ходила, тут гуляла чадо милое!»

20

Поется сироте.

Ты река ли моя реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Течешь, речка, не колыхнешься,
На крутой берег не взо̀льешься.
Желтым песком не возму̀тишься!
Отчего же мне возмутитися?
Ни дождя нету, ни вихорю.
Ах ты, умная девица,
(Такая-то)
Что сидишь ты, не улыбнешься?
Говоришь речи, не усмѐхнешься?
«Что чему же мне смеятися?
На что глядя, радоватися?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собралися,
Одного-то гостя нет как нет;
Уж как нет гостя милого,

Моего батюшки родимого: *
Снарядить-то меня есть кому,
Бла̀гословить-то меня некому,
Что снарядит меня родная мать,
Бла̀гословит меня чужой отец.

21

Много, много у сыра̀ дуба̀
Много ветвей и па̀ветвей,
Только нету у сыра̀ дуба̀
Золотыя вершиночки:
Много, много у княгини души,
Много роду, много племени,
Только нету у княгини души
Нету ее родной матушки:
Благословить есть кому,
Снарядить некому. **

22

Между гор по ка̀менью
Серебром ручей бежит.
По тому по ру́чейку
Ходила гуляла княгиня душа;
Искала княгиня душа
Самоцветна камушка;
Нашла, нашла камушек,
Нашла самоцветненький;
Разломила камушек

* Если ж молодая круглая сирота, то поется:
Уж как нет гостей милыих:
Моего батюшки родимого,
Моей матушки родимой.
** Благословляет обыкновенно отец, снаряжает мать.

Его нà три граночки:
Первую граночку
Ее родну батюшке,
Вторую граночку
Родной ее матушке,
А третью граночку
Ладу милому.—

23

Не стыдно ли вам, бояры,
Перед нами, девками, стояти,
В руках шапочки держати!

24

Поется, когда едут за невестой к венцу.

Как у нашего князя
Невеселые кони стоят;
Они чуют путь-дороженьку
По невесту ехати:
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Уливайте * гору крỳтую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойтить бы, ни взъехати!»
— Не грози, княгиня душа! **
На крутую гору пеш взойду,
Добра коня в поводу сведу.—
«Ах вы, девушки, подруженьки!

---

* Или: „укатайте“ — смотря по времени года.
** Поется также:

Не печалься, княгиня душа!
Поведем мы коней в кузницу,
Подкуем коней подковами,
Подковами-то булатными.

Запирайте вы воротички,
Что тремя замками немецкими!»
— Не печалься, княгиня душа!
Приведу я с собой слесаря:
Отопрет замки немецкие.—
«Ах вы, девушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую!
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!»
— Не печалься, княгиня душа!
Привезу с собою свахоньку:
Расплетет она косу русую,
Увезем тебя с собой, душеньку! —

25

Сват, сват молодой!
Не бывать тебе у нас,
Не едать киселя!
Не бежать тебе лугòм,
Не — — тебе гужом!

26

Девушки поют, когда молодая возвратится из церкви.

Ягода с ягодой сокатилася!
Ягода ягоде поклонилася!
Ягода с ягодой слово молвила!
Ягода от ягоды не вдали росла!

27

Когда молодые сидят за столом, приехав от венца, то девушки поют всем гостям; первого начинают величать попа.

У попа у батюшки
Золота скуфеюшка;
Низала скуфеюшку
Его молода жена,
(Такая-то)
Слышишь ли, батюшка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем:
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих —
Две гривны золотом.

А поп отвечает: «Нате, суки, возьмите в руки, не корите попа».

28

Пò меду, мёду пàточному
Плавала чарочка серебряная,
Кто эту чарочку пèренял?
Пèренял, пèренял князь государь,
Подносил, подносил госпоже княжне.
«Выкушай, выкушай, душа госпожа!
Я тебе, княгиня, про свой сон расскажу:
Будто у нас середь ширòка двора
Будто у нас расстилалась трава,
По траве гуляет пàвынька,
Пàвынька, пàвынька, княгиня душа».

29

Величают холостого.

Князек молоденький,
Лебедёк наш беленький, *

* Девушки обращаются к молодому.

Скажи, пожалуй, нам
Про свого гостя нам!
«У меня свет гость дорогой,
(Такой-то)
Во любви он позваный,
Во честѝ посо̀женый,
За дубовым столом,
За браной скатертью,
Не женатый Иванушка,
Холостой Михайлович,
Холостой, завистливый,
Его глаз урочливый.
Выйди, холостенький,
Выдь к нам за за̀весу! *
Выбери, холостенький,
Кто тебе покажется!»
Слышишь ли, гость дорогой?
Мы тебе песню поем,
Тебе честь воздаем.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великиих —
Две гривны золотом.

Им подают деньги в стакане пива, приговаривая:

30

Вот вам, красные девушки!
Малое примите,
На большом не судите.
Денежки принимайте.
Пол поровняйте (т. е. попляшите)

---

* Девушки сидят за занавесом, продернутым через всю избу.

31

Поется вдове.

Княгиня душенька,
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!
«У меня свет гостейка
Молодая вдовушка,
Вдова молодая,
Вдова богомольная:
Всем святым святителям
Богу молилася
О своих о детушках».
Слышишь ли, вдовушка?
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великиих —
Две гривны золотом.

32

Величают гостью, как девушку, так и замужнюю

Княгиня душенька! *
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!
«У меня свет гостейка
(Такая-то)
Во любви позвана,
Во чести посожена,
Хорошо снаряжена:
Сережки-яхонты,

* Девушки обращаются к молодой.

Лицо разгорелося.
Монисты золоты
Шею огрузили!»
Слышишь ли, гостейка,
Тебе песню поем,
Тебе честь воздаем,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великиих —
Две гривны золотом.

Б. ПЕСНИ НЕОБРЯДОВЫЕ

1

Авдотья вдовина
По бережку ходила,
Правой рукой махала.
— А цвет моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебе не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиков не едать! —
Злодей Ванька вор, победна голова,
Кличет Дуньку из ворот в огород.
Сорвет Дуньке лопушок
Под самый корешок;
Сошьет Дуньке сарафан
Китаичный голубой:
Снурочек-ат — повиличная трава.
А ниточки — ковылок, ковылок.
А пуговки — репеёк, репеёк.
Где ни взялся таракан,
Проел Дуньке сарафан,
Над самою над дырой.

А, дядюшка Митрофан,
Зашей Дуньке сарафан
Китаичный голубой!

2

Калина, малина!
На заднием порядке,
Под горою три солдатки:
Одна Настька, другà Машка,
Как третия Наташка.
Повадилась Наташка
Во царев кабак ходить,
Зеленòе вино пить,
Целовальника любить.
— Целовальник молодой,
Проводи меня домой
По улице мостовой,
По дорожке столбовой,
До кроватки тесовòй,
До перинки пуховòй! —
На перине дèвица
Лежит она, нежится,
Лицо разгорелося.
Чего захотелося?
«Не надо мне, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладкиих яблочков,
Ни медовых пряничков,
Приведи-ка, матушка,
Татарина с скрыпкою,
Мордвинà с волынкою
Холостòго с дудками!»
На Болдинском на плоту

Мыла девица фату,
Она мыла, полоскала,
Фату в воду опускала,
Милый фаточку ловил,
Кафтан с шубою сронил;
Она губушки надула,
Пошла к старосте на думу
И к бурмистру на рассуду:
Как что староста-то скажет
И бурмистр-от что прикажет?
— Ты поставься-ка в попы! —
Как и что это за попок,
В сарафане без порток?!

3

Я вечор, вечор добрый молодец
Вечор загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой
Долго застоялся,
Я тайного ласкова словечка
От ней дожидался.
Ничего-то моя сударушка
Она мне не сказала,
Только сказала моя сударушка
Грубое словечко:
«Ты отстань, отстань, добрый молодец,
Отстань по охоте;
Не отстанешь ты по охотушке —
Отстань по неволе».
Тосковал-то я добрый молодец
Ровно три годочка,
Что никто, никто по добром молодце
Никто не потужит:

Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая,
Что потужит ли, погорюет ли
Красная девица,
Что названая моя прежняя,
Милая сестрица!

4

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
Приневолили меня, малёшенька женили;
Молода была жена, я глупенек,
Стал я молодцем, жена стала старенька.
Полюбилась мне молодка молодая,
Иссушила мое сердце ретивое.
Как вечор меня молодка огорчила,
Мне несносную насмешку насмеяла:
— Отступися,— мне сказала,— отвяжися,
У тебя своя жена — с ней и целуйся! —
Во бору ли, во сыром ли стук, треск:
Бурлачки сосну подрубливают,
Подрубливают, поваливают,
Из сыра бора по лугу̀ волокут,
По крутому бережку покатывают,
Середь лодочки устанавливают,
Тонкий парус навешивают,
Уплывают вниз по Волге по реке.
Вы постойте, добры молодцы, погодите,
Вы с собой меня возьмите, посадите,
Разлучите с опостылой со женою!

5

Ах ты, молодость, моя молодость,
Не видал я тебя, когда ты прошла,

Когда ты прошла, когда миновалася!
Живучи с женой не с корыстною,
Не продать мне жену, не променять ее
Что ни братцу, ни товарищу.
Я пойду ли сам крутым бережком,
Я найму ль себе новых плотничков,
Новых плотничков, корабельщиков.
Я сострою нов тесов корабль
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняных.
Я спущу ли корабль на сине море
Посажу ли жену, свою барыню,
Отпущу ли жену в свою сторону;
А я сам пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море —
А уж корабль бежит, как сокол летит,
А жена-то сидит, точно барыня.
Уж я вскрикну ли громким голосом:
«Воротись жена, моя барыня,
А мы будем жить лучше прежнего,
А я буду любить лучше старого!»
— Не обманывай ты, распостылый муж.
Что не греть солнцу зимой против летнего,
Не светить месяцу летом против зимнего,
Не любить тебе меня пуще прежнего!

6

Уж как нòнешние люди
Они мòлоды, лукавы,
С измалèнька вороваты;
Не видавши — много видят,
Не слыхавши — много слышат.
Как сказали про девицу

Напрасную небылицу:
Будто я красна девица
Во всю темну ночь не спала,
В зеленом саду гуляла,
Сладко вишенье щипала;
Показалось девке мало —
Виноградом добавляла,
На белое блюдо клала,
В итальянский плат вязала,
За вороты выходила,
Извозчика нанимала,
Извозчика молодого,
Неженатого, холостого:
«Вези меня поскорее,
Чтобы люди не видали,
Соседушки не слыхали, *
Мому батюшке не сказали, **
Мой батюшка очень грозен,—
Посадил меня в темницу,
Ни дверей нет, ни окошек,
Одна труба, да малая.
Ах ты, батюшка родимый!
Проруби ты мне окошко
На правую на сторонку,
Куда милый гулять ходит,
Добра коня поить водит».

---

* Поется также: не спознали.

** В некоторых песенниках:

Отцу, матери не сказали.
Мой батюшка очень грозен,
Грозней того моя матушка:
Не велит мне на улицу ходить,
С холостыми речи говорить.

Очевидно, из другой песни.

7

Долина-долинушка,
Раздолье широкое!
На той на долинушке
Ничто не родилося:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Рощица зеленая.
Из-за той ли рощицы
Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкаталося.
Греет, греет солнушко
Зимой не по-летнему:
Любит, любит миленький,
Любит не попрежнему.
Любил, всё обманывал,
Другу́ подговаривал
«Поди, поди, девица,
За меня замуж,
За меня, за мо̀лодца,
За парня холо̀стого».
Нейду, нейду, девица,
Нейду, не подумаю.
Кого же мне, девице,
Полюбить будет?
Полюбить холо̀стого,—
Холост скоро женится,
Полюбить женатого,—
Жена-то рассердится.
Полюблю я, девушка,
Солдата гвардейского:

Солдат в поход пойдет,
Девицу с собой возьмет.

8

На зоре-то было, на зорюшке,
На зоре-то было вечернией:
Высоко звезда восходила —
Выше лесу, выше темного,
Выше садику зеленого.
Как во городе во Ала̀тыре
Случилося несчастьице,
Как несчастьице немалое.
Жена мужа потеряла,
Вострым ножичком зарезала;
Вынимала сердце с печенью.
На ноже сердце встрепехнулось,—
Она, шельма, рассмехнулась,
Рассмехнувшись, она ужаснулась,
Взяла его за черны́ кудри,
Ударила об сыру́ землю,
Во холодный ледник спрятала,
Дубово̀й доской она закрыла,
Золотым перстнём запечатала;
Сама пошла в нову̀ горницу,
Закричала громким голосом:
«Ты талан ли мой, талан лихой,
Или участь моя горькая!
На роду ль мне так написано?»
Прилетели к ней два сокола,
Два Ивана, два Иваныча:
— Ты сноха наша, невестушка,
Где наш братец Иванушка? —
«Ваш братец-охотничек,

Уехал в лес за охотою,—
За куницами, за лисицами».
— Не обманывай нас, невестушка!
Вон шелкòв кушак на стене висит,
Перчаточки с шапочкой на пòлочке лежат.

9

Вдоль по улице по Шведской
В слободе было Немецкой,
Генерал-от немец ходит,
За собою девку водит.
Водил девку, водил немку,
Молодую иноземку.
Девка немцу говорила:
«Говори, радость, со мною,
Мы одни теперь с тобою,
Еще третий — высок терем.
Как поедешь, мой любезный,
Во царскую службу,
Заезжай, моя надёжа,
В калинову рощу;
Ты сорви, мой друг, покушай
Горьку ягоду калину:
Какова горька калина —
Таково житье за старцем». *

10

Не летай, мой соловей,
Поздно вечером один!

---

* Иногда прибавляется:
Каково житье за ровнем?
Какова сладка малина,
Таково житье за ровнем.

Парень девушку любил,
Колечушком подарил:
Колечушко, сердечушко —
Твой золотный перстенек.
Далеко милой живет
Во матушке во Москве,
Во Покровской улице.
Как пошли наши ребята
В большу̀ улицу гулять,
Красных девок забавлять;
Ах, все девки хороши,
Разлапушки пригожи!
Одна девка лучше всех:
В косе лента шире всех,
А другая голубая —
Идет славушка худая,
А третия со кистьми,—
Бежит Дуня со вестьми.
Как взял Дуню задор:
Подняла в губы̀ подол,
Мимо окон, мимо стекол,
Мимо каменных палат
К целовальнику в кабак:
«Целовальник молодой,
Отпирай новый кабак,
Пущай малыих ребят!»

11

Беседа моя, беседушка, беседа смирна!
Во той во беседушке девицы сидят,
Дѐвицы сидят, речи говорят: *
«Лучина, лучинушка берёзовая!

---

* Первых трех стихов обыкновенно не поют.

Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была? *
— Я была в печи вчерашней ночѝ,
Лихая свекровушка воду пролила,
Воду пролила, меня залила.—
Сестрицы, голубушки, ложитеся спать:
Ложитеся спать, вам некого ждать!
А мне, красной девице, всю ночку не спать —
Кровать убирать, мила̀ дружка ждать;
Убравши кроватушку, сама лягу спать.
Первый сон уснула — без миленького;
Второй сон уснула — без сердечного;
Третий сон уснула — зоря белый день.
Из-под белой зорюшки мой милый идет,
Собольею шубочкой пошумливает,
Пухо́вою шляпочкой помахивает,
Сафьянны сапожки поскрыпывают. **
«Что ж ты, добрый молодец, давно не пришел?»
— Душа красна девица, позамешкался.
С угрюмой женой побранка была,

---

* Прибавляется также: В печи не была, не высушена.

** В новейших песенниках:

Натуральной тросточкой постукивает.

И песня кончается этим стихом. Остальные же внесены в другую песню.

Сказали про молодца, будто без вести пропал,
Сказали—удаленький в синем море утонул;
А нонече молодец по улице прошел.
Любимую песенку шибко-громко просвистал.
Насвисточку свищет, голос в терем подает:
Услышала б девица удало̀го молодца,
Горела б у девицы воску ярого свеча,
Ждала б красна девица удалого молодца.
„А что ж, добрый молодец, давно не пришел?“
— Душа красна девица . . . и проч.

Журила, бранила тебя и меня.
Тебя, мою душеньку, курвой назвалà;
А я ее бил, бил, чуть живу пустил.—
«Не бей, не бей, молодец, угрюмой жены:
С угрюмой женою тебе век вековать,
Со мной, красной дѐвицей, ночку ночевать».

12

Девушка крапивушку жала,
Красная немножко нажала;
Кажется, ни с кем не стояла,
Только я с милым говорила.
«Ах ты, мой сердечный, милый друг!
Я слышала несчастье про тебя.
Идешь в поход. Возьми меня с собой,
Назови меня родной сестрой
Или душенькой молодой женой».
— Нельзя, нельзя мне взять тебя с собой,
Что все в полку полковнички знают,
Что нет у меня родной сестры,
Ни душеньки молодой жены.
Что есть у меня одна матушка,
И та живет в деревне в печали. *

13

Плясовая

Как нòнече куры
Поют петухами,
Ах, люшеньки, ай люли! и т. д.
Как нòнешни жены
Владеют мужьями.

---

* Поется также: Да и та старенька.

Я возьму мужа за ручку,
Брошу на постелю.
Лежи, муже, тута,
Поколь схожу — кну́та, *
Поколь схожу — кну́та,
Железного пру́та.

14

Теща про зятюшку сдо̀бничала,
Сдо̀бничала да пирожничала,
Испекла пирог в двенадсять рублёв.
Со̀лоду, муки на четыре рубли,
Ягодов, изюму на̀ восемь рублей.
Теща по горенке похаживала,
Косо на зятюшку поглядывала:
«Как тебя, зятюшку, не ро̀зорвало?
Как тебя, зятюшку, не пѐрервало?»

15

Бежит речушка слезова̀я,
На ней струюшка кровава̀я,
По бѐрежку растет част осинничек,
Во том осинничке куст рябинушки;
Она а̀ленькими цветочками она расцветала,
На цвету сидит кукушечка,
Горемычная куковала,
Жалобнёхонько, горемычная, причита̀ла,
Всем солдатушкам назо̀лушку давала.
Не кукуй-то ты, кукушечка, жалобнѐнько,
Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам-то солдатушкам жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?

* Т. е. схожу *взять* кнута.

16

Туто жил-поживал господин Волконский князь,
У этого у князя жил Ванюша ключничек.
Ваня год живет, другой живет,
На третий год князь доведался;
Закричал князь Волконский своим громким голосом:
«Как есть ли у меня слуги верные при мне?
Вы подите — приведите вора Ваньку ключника!»
Как ведут Ванюшу широким двором,
Как у Ванюшки головка вся проломана,
Коленкоровая рубашка на нем изорвана,
Сафьянные сапожки кровью принаполнены.
Закричал-та господин Волконский князь громким голосом:
«Вы подите-ка,— вы выройте две ямы глубокиих,
Вы поставьте-ка два столбика дубовыих,
Положите перекладец сосновыий,
Повесьте две петли шелкòвые:
Пускай Ваня покачается,
Молодая-то княгиня попечалится!»

17

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всякием корабле

По пятѝсот молодцов,
Гребцов-пѐсенничков:
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Всё Ракчеева бранят:
«Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Дорòженьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Березами усадил,
Бедных людей прослезил!»

II. ЗАПИСИ СКАЗОК

1

Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшой, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачиха его, завидуя своей невестке, решилась ее погубить. После трех месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоке месяц; послали известить о том царя. Мачиха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дождаться приезда его для разрешения. Мачиха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море. Так и сделано.

Долго плавали царица с царевичем в засмоленой бочке — наконец, море выкинуло их на землю. Сын заметил это. «Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи, и вышли бы мы на свет».— Господь благослови тебя, дитятко.— Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благосло-

вения матери выстроил город и стал в оном жить да править. Едет мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков, осмотрел их пропуск и, узнав, что едут они к Султану Султановичу, турецкому государю, обратился в муху и полетел вслед за ними. Мачиха хочет его поймать, он никак не дается. Гости корабельщики рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке — ноги серебряные и проч. «Ах,— говорит царь,— поеду посмотреть это чудо».— Что за чудо,— говорит мачиха,— вот что чудо: у моря лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет.— Царевич прилетел домой и с благословенья матери перенес перед дворец чудный дуб.

Новый корабль. То же опять. Тот же разговор у Султана. Царь опять хочет ехать. «Что это за чудо,— говорит опять мачиха,— вот что чудо: за морем стоит гора, и на горе два борова, боровы грызутся, а меж ими сыплет золото да серебро» и проч. Третий корабль и проч. также. «Что за чудо, а вот чудо: из моря выходят 30 отроков точь в точь ровны и голосом и волосом и лицом и ростом, а выходят они из моря только на один час».

Тужит царевна об остальных своих детях. Царевич с ее благословения берется их отыскать. «Нацеди ты, матушка, своего молока, ты замеси 30 лепешечек».— Он идет к морю, море всколыхалося, и вышли 30 юношей и с ними старик.— И царевич спрятался и оставил одну лепешечку, один из них и съел ее. «Ах, братцы,— говорит он,— до сих пор не знали мы материнского молока, а теперь узнали».— Старик погнал их в море, на другой день вышли они опять, и все съели по лепешке, и познали брата своего. На третий вышли без старика, и царевич привел всех братьев своих к своей матери. Четвертый корабль. То же самое. Мачихе уже более

делать нечего. Царь Султан едет на остров, узнает свою жену и детей и возвращается с ними домой, а мачиха умирает.

2

Некоторый царь ехал на войну; он оставил жену свою беременную; едучи домой, дорогою захотелось ему пить — видит он пролубь, и в пролубе плавает золотой ковшик,— но только хочет он испить воды, кто-то его хвать за бороду и не выпускает. Царь взмолился — нет. «Подари мне, чего ты не знаешь». Задумался бедный царь: «Как, чего я не знаю? Я всё знаю. Ну, так и быть, дарю». Приезжает домой, к нему выносят молодого Ивана царевича, без него родившегося. Царь догадался, что его-то он и подарил, и весьма опечалился. Иван царевич вырос. Прогуливаясь однажды верхом, встретил он старичка, который стал ему пенять за то, что он еще не явился, и что срок-де его прошел. Иван царевич требует и получает объяснение от отца своего. Три раза является ему старик и научает его, куда идти. Иван царевич приходит к морю, где 30 уток полощутся, а одна поодаль. Он берет ее платья. Все одеваются, она остается одна. Царевич выходит — друг со другом обручаются. Она научает его, как умягчить гнев сердитого старика, отца ее. Сходят они в подземельное царство. Старик, сидя на крыльце, взбесился, завидя царевича. Сей, по совету Марьи царевны, становится на колени, шапку возносит на мече выше головы и таким образом приближается. Царь посылает его в особую комнату и повелевает ему готовиться отвечать на его *загадки*, т. е. повелевает ему построить церковь в одну ночь. Царевич думал, думал и наконец сказал: «Мать его так, повесить так повесить, голова моя недорога». Царевна, обратясь в муху, является к нему. «Не печалься, Иван царевич, скинь портки, повесь на шесток да спи,

а завтра возьми молоточек, ходи около церкви, где лишнее, отрежь, где неровно, приколоти». Царевич был безунывная головушка, лег и заснул. По утру церковь готова. «Ну,— сказал царь после обедни,— я хитер, а ты хитрее меня. Отдам за тебя старшую дочь.— Но сперва узнай ее между 30 прочими». «Это немудрено», думал Иван царевич.— Нет, мудрено,— сказала царевна муха.— Мы завтра будем все с одинаковым лицом, с одинаковым убором.— Задумался царевич. «Мать его так, весить, так весить». Но царевна его надоумила. На утро приходит он к царю, видит всех царевен. Одной муха садится на щеку; она гонит ее платком. «Вот старшая».— Правда, Иван царевич, но все эти хитрости не твои, а посмотрим завтра третью загадку.— «Ну, Иван царевич,— сказала Марья царевна,— тут уж тебе не помогу — дело в том, чтоб ты сшил сапоги, покамест у него в руках соломинка будет гореть. Убежим». Она плюнула три слюнки на окно Ивана царевича да три слюнки к себе. Сели верхом и ускакали. По утру послал царь к Ивану царевичу. «Что ты, Иван царевич, спишь ли ты, али думу думаешь?» — Думу думаю,— отвечают слюнки. Наконец, царь видит обман и посылает за ними в погоню. «Послушай-ка, Иван царевич,— сказала Марья царевна,— не гонятся ли за нами». Тот прилег к земле — нет. Марья царевна послушала — близко, и тотчас обратила Ивана царевича в рожь, а себя в пшеницу. Погоня наскакала. Не видя дороги и не видя ни единого измятого колоса, они воротились. Новая погоня. Марья царевна превращает Ивана царевича в церковь, а сама в священника; и церковь так ветха, что мхом обросла, и священник так стар, что еле дышит.— Погоня возвращается. Царь едет сам. Но Марья царевна разливает между им и собою реку, и царь возвращается со стыдом.

Иван царевич и Марья царевна вступают во свое государство. «Забудешь ты меня, Иван царевич, не целуй ребенка, когда приедешь к отцу к матери, а то забудешь меня». Иван царевич приезжает к отцу и к матери, в восторге целует ребенка и забывает Марью царевну. Между тем предлагают ему невесту. Он с нею обручается. Марья царевна просится у старушки, с которой живет, идти посмотреть на царскую свадьбу. Приходит в царские кухни, с трудом выпрашивает у повара позволение испечи пирог. Пирог подают на царский стол, разрезывают, оттуда вылетают голубь с голубкою, и голубка ходит за голубем и говорит: «Голубок ты мой, не забудь ты меня, как забыл Иван царевич свою Марью царевну», и проч.

3

Поп поехал искать работника. Навстречу ему *Балда*. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: «Каков будет *щёлк*». Балда дюж и работящ, но срок уж близок, а поп начинает беспокоиться. Жена советует отослать Балду в лес к медведю, будто бы за коровой. Балда идет и приводит медведя в хлев. Поп посылает Балду с чертей оброк сбирать. Балда берет пеньку, смолу да дубину, садится у реки, ударил дубиною в воду, и в воде охнуло. «Кого я там зашиб? старого али малого?» И вылез старый.— «Что тебе надо?» — «Оброк собираю».— «А вот внука я к тебе пришлю с переговорами». Сидит Балда да веревки плетет да смотрит. Бесенок выскочил. «Что ты, Балда?» — «Да вот стану море морщить, да вас чертей корчить».— Бесенок перепугался. «Тот заплатит попу оброк, кто вот эту лошадь не обнесет три раза вокруг моря». Бесенок не мог. Балда сел верхом и объехал. «Ах, дедушка! он

не только что в охапку, а то между ног обнес лошадь вокруг».— Новая выдумка: «Кто прежде обежит около моря?» — «Куда тебе со мной, бесенок? да мой меньшой брат обгонит тебя, не только что я».— «А где-то меньшой брат?» — У Балды были в мешке два зайца. Он одного пустил, бесенок запыхавшись обежал, а Балда гладит уже другого, приговаривая: «Устал ты, бедненький братец, три раза обежал около моря».— Бесенок в отчаяньи. Третий способ — дед дает ему трость — «Кто выше бросит?» Балда ждет облака, чтоб зашвырнуть ее туда и проч. Принимает оброк в бездонную шапку. Поп, видя Балду, бежит — и берет его в мешке, вместо сухарей — утопляет ночью попадью, вместо его — и проч.

Балда у царя. Дочь одержима бесом. Балда под страхом виселицы берется вылечить царевну. С нею ночует — берет с собою орехи железные и старые карты да молоток — знакомого бесенка заставляет грызть железные орехи, играет с ним в *щелчки* и бьет бесенка молотком. На другую ночь то же. На третью делает куколку на пружинах, у которой рот открывается. «Что такое, Балда?» — Пить хочет — всунь ему стручок-то свой, свою дудочку в рот. Бесенок пойман и высечен и проч.

4

Царь Кащей Бессмертный не хотел дочери своей выдать замуж покамест сам будет жив. Дочь приступает к нему: «Где-де твоя смерть?» — «В баране,— отвечает Кащей,— в козле, в венике».— Дочь велит вызолотить рога барану и козлу, вызолачивает и веник — напрасно, Кащей жив. Наконец, он объявляет, что смерть его на море, на океане, на острове Буяне, а на острове дуб, а в дубе дупло, а в дупле сундук, а в сундуке заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо. Иван царевич идет за

смертию Кащея. Голод. Попадается ему собака, ястреб, волк, баран, рак.— Иван царевич говорит им каждому: «Я тебя съем»,— но оставляет им живот. Приходит к морю, *волк* его перевозит, *баран* рогами сваливает дуб, *собака* ловит зайца, *ястреб* ловит утку, *рак* лапами выносит из моря яйцо.— Кащей тотчас занемог, дочь его получает яйцо, отец просит от нее месяца, недели, дня и проч.

5

Слепой царь не веровал своей жене, и не пускал ее в сад. «Вели,— сказала она,— повесить кровать мою на яблоню, я влезу туда, ты покамест обхвати яблоню — да держи». Царь согласился. Любовник был уже там. Царица к нему лезет, царь пока держит яблоню.

Глядя на сие, муж с женою (царь да царица) поссорились и побранились. Жена была беременна, она родила и велела убить сына и принести себе его сердце. Младенец уговорил повара принести, вместо своего, собачье сердце, а подменить кузнецкого сына. Молодой царевич собирает маленькую шайку, ребята признают его царем, ибо по его велению береза преклонилась, а лягушки замолкли.— Царенок делает виселицу, вешает, кнутом сечет и в ссылку ссылает. Доходит слух о том до царя, который задает ему разные задачи и изумляется раннему понятию сына кузнеца.

Едет царь мимо кузницы. «Бог помочь, кузнец».— «Спасибо, ваше величество».— «Сколько *иверенией* с тех пор, как ты куешь?» — «А сколько шагов ступит твой конь?» — «Приезжай же ко мне завтра ни верхом, ни пешком, покажи мне своего друга и недруга, и принеси мне дар, которого я бы не взял». Кузнец приезжает на козле, приносит ястреба под блюдом и приводит жену (своего врага) и собаку (своего друга) — жену бьет — она его бранит и убегает, собаку бьет, та

визжит и к нему ласкается. Царь догадывается, что кузнец умен умом сыновним — призывает его и едет с ним и с своим мнимым сыном прогуливаться. Подъезжают к сосновой роще. «Что б из нее сделать, мой сын?» — спрашивает царь.— «Да наковальню»,— отвечает царский сын. «А ты, кузнец?» — Терема царские. Видят еловую и березовую — тот же вопрос. Ответы в том же духе.— Царь привозит кузнецова сына домой. Мать его в него влюбляется. Новый Иосиф, он убегает и притворяется дурачком. Погонщики его настигают, он ....., ест и вшей бьет.— «Что ты делаешь?» — «Убавляю и прибавляю и недругов побеждаю».— Не узнав его, оставляют.

Мать его скоро предается другому любовнику. Царевич приходит к ней под видом нищего. Хищник ввергает его в темницу и осуждает на смерть. Три виселицы: золотая, серебряная, шелковая. Царь и царица едут смотреть казнь королевича. Он хохочет. «Чему?» — да тому, что передние колеса едут за лошадью, а задние-то за чем? (allusion à la reine qui suit le roi). Приезжают. Царевич просит позволение играть на рожке. Рать его вооружается, ступает на ступень, на другую, на третью и всё играет в рожок, наконец, опять хохочет.— «Чему, дурак?» — Сам ты дурак: взгляни, как мои голуби твою пшеницу клюют — и проч.

На *шелковой* виселице вешает он сводника, купца *Шелковникова*, вот куда каламбуры зашли!

6

1. О святках молодые люди играют игрища, идут в пустую избу. Один из них говорит: «Чорт, жени меня». Чорт выходит из-за печки, соглашаются — женить. Невеста — дочь, проклятая отцом и матерью. Молодые едут в чужой город, заживают домком. Раз видят двух нищих, старика со старухою, и несут они младенца, что

ни пьет, ни ест уж 30 лет. Молодые зовут их, жена топором разрубает младенца, и вываливается оттуда осиноный чурбан. Она открывает им, что она их дочь.

2. В том же роде. Жених пропадает три года; невеста его узнает, что должно в лесу в пустой хижине три ночи ночевать, дабы достать его. Находит хижинку, около нее ходит; слышит голос его, но не видит входа — видит: хор чертей, между ими и он на гудке играет. Хижинка открывается *(стукот)*, она видит там кучу змей, бросается туда — то был хворост, и проч.

3. Мать, рассердясь на сына, ему: «Лукавый тебя побери». Мальчик исчезает. Также слышит его голос в бане, читая воскресную молитву («Да воскреснет бог!»), она туда, а плачут в риге, у пруда. «Господи,— говорит она,— прости мое согрешение!» — Мальчик тут.— «Я был там и там... и огни, и много их», и проч.

7

Царевна заблудилася в лесу. Находит дом пустой — убирает его — 12 братьев приезжают. «Ах,— говорят,— тут был кто-то — али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной, али брат названый; коли женщина, будь нам мать, али сестра»... Сии братья враждуют с другими 12 богатырями. Уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. «Если кровью нальются, то не жди нас».— Приезжая назад, спят они сном богатырским. Первый раз 12 дней, второй 24, третий 31. Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачиха ее приходит в лес под видом нищенки — собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та, надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в ее труп, и проч.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ

(Стр. 59)

Окончание стихотворения в рукописи:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, бедности, изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносит хладный свет
Неотразимые обиды.
Я слышу вкруг меня жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шопот зависти, и легкой суеты
Укор веселый и кровавый.
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые,— два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастия и гроба.

НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНЕ

(Стр. 66)

В первоначальной рукописи отсутствовала третья строфа, но после первой следовала затем отброшенная строфа:

Напоминают мне оне
Кавказа гордые вершины,
Лихих чеченцев на коне
И закубанские равнины.

НАПЕРСНИК

(Стр. 69)

Продолжение стихотворения в рукописи:

Счастлив, кто избран своенравно
Твоей тоскливою мечтой,
При ком любовью млеешь явно,
Чьи взоры властвуют тобой;
Но жалок тот, кто молчаливо,
Сгорая пламенем любви,
Потупя голову ревниво,
Признанья слушает твои.

АНЧАР

(Стр. 80)

В рукописи две первые строки четвертой строфы читаются:

Кругом нет жизни, всё молчит,
Недвижно всё, лишь ветер горный...

А после пятой строфы зачеркнута следующая:

И тигр, в пустыню забежав,
В мученьях быстрых издыхает,
Паря над ним, орел стремглав
Кружась безжизненный спадает.

ПОЭТ И ТОЛПА

(Стр. 85)

Первоначально Пушкин начал стихотворение следующими стихами:

Толпа холодная поэта окружала
И равнодушную хвалу ему жужжала,
Но равнодушно ей, задумчив, он внимал
И звучной лирою рассеянно бряцал.

В рукописи в последней речи поэта вместо стиха „Довольно с вас, рабов безумных!“:

Довольно с вас. Поэт ли будет
Возиться с вами сгоряча
И лиру гордую забудет
Для гнусной розги палача!
Певцу ль казнить, клеймить безумных?

ВЫ ИЗБАЛОВАНЫ ПРИРОДОЙ

(Стр. 103)

Первая редакция

Вы избалованы природой,
Она пристрастна к вам была,
И наша страстная хвала
Вам кажется докучной модой,
Вы сами знаете давно,
Что вас хвалить немудрено,
Что ваши взоры — сердцу жалы,
Что ваши ножки очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно вас любить сердечно,
Но вы не знаете конечно,
Что и болтливая молва
Порою правды не умалит,

Что иногда и сердце хвалит,
Хоть и кружится голова.

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ ЛЕЖИТ НОЧНАЯ МГЛА

(Стр. 112)

Первая редакция

Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла,
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко — печаль моя светла,
Печаль моя полна тобою —

Тобой, одной тобой — унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит оттого,
Что не любить оно не может.

Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет,
Со мной одни воспоминанья.

Я твой попрежнему, тебя люблю я вновь
И без надежд и без желаний.
Как пламень жертвенный чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

(Стр. 113)

Пятый стих первоначально читался:

Не в Москве, не в Таганроге

После стиха „Где-нибудь в карантине“ намечена была строфа:

Или ночью в грязной луже,
Иль на станции пустой,
Что еще гораздо хуже —
У смотрителя больной.

Первые из этих стихов сперва были:

Иль как Анреп в вешней луже
Захлебнуся я в грязи.

После стиха „На досуге помышлять“ недоработанная строфа:

Долго ль мне роптать на время,
На прижимки кузнецов,
На подтянутое стремя,
На . . . . ямщиков.

БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦ ШУМНЫХ

(Стр. 133)

В рукописи первоначально вместо первых двух строф была одна:

Кружусь ли я в толпе мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой,
Но мысль о смерти неизбежной
Везде близка, всегда со мной.

После стиха „Мой примет охладелый прах?“ следовала еще одна строфа:

Вотще! Судьбы не переломит
Воображенья суета,
Но не вотще меня знакомит
С могилой ясная мечта.

КАВКАЗ

(Стр. 135)

В не дошедшей до нас черновой рукописи было необработанное продолжение:

Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят...

ДЕЛИБАШ

(Стр. 138)

В черновой рукописи третья строфа первоначально читалась:

Ты, казак, за делибашем
Не гонися, погоди,
Вмит мы саблями замашем,
Будешь, будешь впереди...

СТРЕКОТУНЬЯ БЕЛОБОКА

(Стр. 152)

В черновой рукописи имеются стихи:

Ночка, ночка, стань темнее,
Вьюга, вьюга, вей сильнее,
Ветер, ветер, громче вой,
Разгони людей жестоких,
У ворот, ворот широких
Жду девицы дорогой...

БЕСЫ

(Стр. 177)

В черновой рукописи вместо четырех стихов, начиная с „Бесконечны, безобразны“ первоначально было:

Что за звуки!.. аль бесенок
В люльке охает, больной,
Или плачется козленок
У котлов перед сестрой.

ПАЖ или ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД

(Стр. 185)

В рукописи после стиха „Попробуй кто меня толкнуть“ зачеркнуто:

Читал я Федру и Заиру,
Как злой гусар сижу верхом,

И показать могу я миру,
Что мастерски держу рапиру
И ею правлю как мячом.

После стиха „Вот какова ее любовь!“ зачеркнуто:

Давно я только сплю и вижу,
Чтоб за нее подраться мне,
Вели она — весь мир обижу,
Пройду от Стрельны до Парижу,
Рубясь пешком иль на коне.

СТАМБУЛ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТ

(Стр. 195)

В рукописи после стиха „Непроницаемы стоят“ зачеркнуто:

В нас ум владеет плотью дикой,
И покорен Корану ум,
И потому пророк великой
Хранит как око свой Арзрум.

Кроме того, в черновике имеются зачеркнутые стихи:

Меж нами скрылся янычар,
Как между братиев любимых,
Что рек Алла: спасай гонимых,
Приход их — дому божий дар.

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я

(Стр. 202)

Первоначально стихотворение было задумано не в терцинах, а в октавах. Сохранилась первая необработанная октава:

Тенистый сад и школу помню я,
Где маленьких детей нас было много,
Как на гряде одной цветов семья,
Росли неровно — и за нами строго
Жена смотрела. Память мне моя

Хранит . . . . убого,
Но лик и взоры дивной той жены
В душе глубоко напечатлены.

Пушкин обработал два стиха октавы, но не согласовал их с остальными:

Уж плохо служит память мне моя —
Ткань ветхая, истершаясь убого.

К этому же замыслу относится набросок:

Я помню деву юности прелестной,
Еще не наступала ей пора,
Она была младенцем —

ЧЕМ ЧАЩЕ ПРАЗДНУЕТ ЛИЦЕЙ

(Стр. 228)

В рукописи зачеркнута вторая строфа:

Давно ль, друзья?.. Но двадцать лет
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя в живых уж нет;
Мы жгли Москву; был плен Парижу;
Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон;
Отбунтовала вновь Варшава.

ОСЕНЬ

(Стр. 262)

В рукописи зачеркнута строфа после десятой:

XI

Стальные рыцари, угрюмые султаны,
Монахи, карлики, арапские цари,
Гречанки с четками, корсары, богдыханы,

Испанцы в епанчах, жиды, богатыри,
Царевны пленные и злые великаны,
И вы, любимицы златой моей зари,—
Вы, барышни мои, с открытыми плечами,
С висками гладкими и томными очами.

В черновом автографе последняя строфа доведена до шестого стиха:

Ура!.. куда же плыть?.. какие берега
Теперь мы посетим: Кавказ ли колоссальный,
Иль опаленные Молдавии луга,
Иль скалы дикие Шотландии печальной,
Или Нормандии блестящие снега,
Или Швейцарии ландшафт пирамидальный.

НА ИСПАНИЮ РОДНУЮ

(Стр. 334)

В рукописи имеются строфы, исключенные из последней редакции. После стиха „Над могилою его“:

В сокрушении глубоком
Беспрестанно слезы льет,
День и ночь у бога молит
Отпущение грехов.

После стиха „Краткий сон его мутить“:

Лишь уснет — ему приснятся
Графской дочери черты,
Перед ним мелькает Кава,
Каву снова видит он,

Очи полны думы гордой,
Благородное чело,
И младенчески открыто
Выраженье детских уст.

Вместо одной строфы „В сновиденьи благодатном. . ." было две:

Раз несчастный утомленный
На рассвете задремал,
И господь ему виденье
Благодатное послал.

Видит он: святой угодник
Приближается к нему,
Ризой светлою одеян
И сияньем окружен.

ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ

(Стр. 344)

Отрывки из черновой редакции

После стиха „Ни кропотливого ее дозора":

Первый вариант

И вечером при завываньи бури
Ее рассказов, мною затверженных
От малых лет, но всё приятных сердцу,
Как шум привычный и однообразный
Любимого ручья. Вот уголок,
Где для меня безмолвно протекали
Часы печальных дум иль снов отрадных,
Часы трудов, свободно-вдохновенных.
Здесь, погруженный в . . . .
Я размышлял о грустных заблужденьях,
Об испытаньях юности моей,
О строгом заслуженном осужденьи,
О мнимой дружбе, сердце уязвившей
Мне горькою и ветреной обидой.

Второй вариант

Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
Сыздетства мной — но всё приятным сердцу,
Как песни давние или страницы

Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит.

Бывало,

Ее простые речи и советы
И полные любови укоризны
Усталое мне сердце ободряли
Отрадой тихой...

После стиха „Оно синея стелется широко":

Ни тяжкие суда торговли алчной,
Ни корабли, носители громов,
Ему кормой не рассекают вод;
У берегов его не видит путник
Ни гавани кипящей, ни скалы,
Венчанной башнями; оно синеет
В своих брегах пустынных и смиренных...

Окончание стихотворения:

В разны годы

Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я; когда вы в первый раз
Увидели меня, тогда я был
Веселым юношей, беспечно, жадно
Я приступал лишь только к жизни; годы
Промчалися, и вы во мне прияли
Усталого пришельца; я еще
Был молод, но уже судьба и страсти
Меня борьбой неравной истомили.
Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру,— всяк предо мной
Казался мне изменник или враг.
Утрачена в бесплодных испытаньях
Была моя неопытная младость,
И бурные кипели в сердце чувства
И ненависть и грезы мести бледной.

Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия как ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой.

Я ДУМАЛ, СЕРДЦЕ ПОЗАБЫЛО

(Стр. 346)

В черновике первым стихам предшествовало неотделанное четверостишие:

Тогда ли, милая, тогда ли
Была явиться мне должна.
Когда . . . .
Была . . . . решена.

Кроме того, Пушкин начал писать продолжение:

Гляжу, предаться не дерзая
Влеченью томному души,
. . . . прелесть молодая
Полурасцветшая в тиши.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА

(Стр. 347)

В черновой рукописи вместо четвертой строфы было две. Первая из них кончалась стихами, оканчивающими третью строфу беловой редакции, а начиналась недоработанным четверостишием:

Уж он в мечтах располагал
Твоей казною родовою,
На откуп реки отдавал,
Рубил наследственные рощи.

Вторая начиналась начальными стихами третьей строфы беловой редакции и кончалась:

Но что? еще не умер он?
Постой, зажми пустую лапу.
Зачем же медлить Эскулапу!
Забудь соблазна сон.

КОГДА ВЛАДЫКА АССИРИЙСКИЙ

(Стр. 362)

В рукописи имеются отброшенные стихи.
После „Израил выи не склонил":

Ему во сретенье народы
Объяты ужасом текли
И, отрекаясь от свободы,
Позорну дань ему несли.

После „Препоясàлась высота":

Поля преградами изрыты,
Раскаты, башни и зубцы
Как лесом копьями покрыты,
И боя молча ждут бойцы.

Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ

(Стр. 376)

Четвертая строфа первоначально читалась:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

ПРИМЕЧАНИЯ

1827

ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД (стр. 7). Стихотворение распространилось в списках. Пушкин передал его, для доставления сосланным в Сибирь декабристам, А. Г. Муравьевой, отъезжавшей из Москвы к мужу на каторгу в начале января 1827 г.

Известен стихотворный ответ А. Одоевского на послание Пушкина.

СОЛОВЕЙ И РОЗА (стр. 8). Напечатано в альманахе «Литературный Музеум» на 1827 год.

ЭПИГРАММА. (Из антологии). Лук звенит, стрела трепещет (стр. 9). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., № 6.

Эпиграмма вызвана тем, что А. Н. Муравьев, писатель и посредственный поэт, однажды на вечере у Зинаиды Волконской отломал руку у гипсовой статуи Аполлона и здесь же написал на статуе стихи, где, между прочим, говорил, что «хотел померяться» с Аполлоном.

ЕСТЬ РОЗА ДИВНАЯ: ОНА (стр. 10). При жизни Пушкина не печаталось. В рукописи помечено: «1 апреля 1827, Москва».

ЕК. Н. УШАКОВОЙ. Когда бывало в старину (стр. 11). При жизни Пушкина не печаталось. Написано в альбом Ушаковой 3 апреля 1827 г.

Ек. Ник. Ушакова (1809—1872) — знакомая Пушкина. Дом Ушаковых в Москве Пушкин часто посещал в 1827 году.

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ. Среди рассеянной Москвы (стр. 12). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., № 10. Написано 6 мая 1827.

Стихи направлены Зинаиде Волконской при посылке ей поэмы «Цыганы».

Двойной венок. З. Волконская была поэтессой и певицей.

Каталани — итальянская певица; в один из приездов в Россию она с большим интересом слушала пенье цыган.

ЕК. Н. УШАКОВОЙ. В отдалении от вас (стр. 13). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 16 мая 1827 г., перед отъездом Пушкина из Москвы в Петербург.

В СТЕПИ МИРСКОЙ, ПЕЧАЛЬНОЙ И БЕЗБРЕЖНОЙ (стр. 14). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 18 июня 1827 г. в Петербурге.

АРИОН (стр. 15). Напечатано в «Северных Цветах» на 1828 год. Написано 16 июля 1827.

Пушкин далеко отступил от традиционной формы мифа об Арионе, чудесно спасенном дельфином. Имя Ариона понадобилось ему, чтобы прикрыть истинный смысл стихотворения, рисующего судьбу друзей-декабристов и самого поэта.

АНГЕЛ (стр. 16). Напечатано в «Северных Цветах» на 1828 год.

КАКАЯ НОЧЬ! МОРОЗ ТРЕСКУЧИЙ (стр. 17). Неоконченное стихотворение об опричнике («кромешнике»).

КИПРЕНСКОМУ. Любимец моды легкокрылой (стр. 19). При жизни Пушкина не печаталось. О. А. Кипренский написал в 1827 году известный портрет Пушкина. Он предполагал включить этот портрет в число тех произведений, которые хотел взять с собою за границу для устройства выставки.

АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ КАРАМЗИНОЙ (стр. 20). При жизни Пушкина не печаталось. Написано в альбом Е. Н. Карамзиной, дочери историка, 14 ноября 1827 г. В черновой рукописи дата: 31 июля, Михайловское.

ПОЭТ. Пока не требует поэта (стр. 21). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., № 23. Написано 15 августа 1827 г. в Михайловском.

БЛИЗ МЕСТ, ГДЕ ЦАРСТВУЕТ ВЕНЕЦИЯ ЗЛАТАЯ (стр. 22). Напечатано в «Невском альманахе» на 1828 год. Написано 17 сентября 1827.

Перевод стихотворения Андре Шенье, опубликованного в 1827 г.

ИЗ ALFIERI. Сомненье, страх, порочную надежду (стр. 23). При жизни Пушкина не печаталось. Перевод начального монолога Изабеллы из трагедии Альфиери «Филипп».

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ. Прими сей череп, Дельвиг, он (стр. 24). Напечатано в «Северных Цветах» на 1828 год, под заглавием «Череп».

Будущий — попутчик, которого вписывали в «подорожную» (документ для проезда в почтовом экипаже) без указания имени, с тем, что приобретавший подорожную подыщет его позднее.

«Певцу Корсара подражай». Байрон написал стихотворение «Надпись на кубке из черепа».

«Или как Гамлет-Баратынский». Стихотворение Баратынского «Череп».

ВСЕМ КРАСНЫ БОЯРСКИЕ КОНЮШНИ (стр. 30). Неоконченное стихотворение, не окончательно обработанное. Один из первых опытов в народном духе.

Сюжет этого стихотворения Пушкин сообщил поэту крестьянину Слепушкину, и тот написал стихотворение «Конь и домовой».

БЛАЖЕН В ЗЛАТОМ КРУГУ ВЕЛЬМОЖ (стр. 32). Недоработанный отрывок.

В РОЩЕ КАРИЙСКОЙ, ЛЮБЕЗНОЙ ЛОВЦАМ, ТАИТСЯ ПЕЩЕРА (стр. 33). Недоработанный отрывок.

19 ОКТЯБРЯ 1827. Бог помочь вам, друзья мои (стр. 34). Напечатано в «Славянине», 1830 г., № 13.

Последний стих обращен к декабристам, товарищам по Лицею, отбывавшим наказание в Сибири на каторге (Пущин) и в Динабургской крепости (Кюхельбекер).

ТАЛИСМАН (стр. 35). Напечатано в «Альбоме северных муз» на 1828 год. Написано 6 ноября 1827 г., ночью.

Ср. стихотворение «Храни меня, мой талисман» (т. II, стр. 255).

Кн. П. П. ВЯЗЕМСКОМУ (стр. 37). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи написаны в детский альбом Павла Вяземского, семилетнего сына П. А. Вяземского.

ВЕСНА, ВЕСНА, ПОРА ЛЮБВИ (стр. 38). Черновой набросок.

СВОДНЯ ГРУСТНО ЗА СТОЛОМ (стр. 39). Черновое стихотворение, не предназначавшееся к печати.

РЕФУТАЦИЯ г-на БЕРАНЖЕРА (стр. 42). Стихотворение, не предназначавшееся к печати.

Стихи направлены против бонапартистской песни, которую Пушкин приписывал Беранже, но которая в действительности принадлежит поэту Дебро: «T'en souviens-tu, disait un capitaine».

БАРАТЫНСКОМУ. О ты, который сочетал (стр. 44). Необработанный набросок.

Я ЗНАЮ КРАЙ: ТАМ НА БРЕГА (стр. 45). Неоконченный отрывок.

СИМВОЛЫ ВЕРНОСТИ ЛЮБЯ (стр. 46). Отрывочные строки неизвестного стихотворения, может быть, обращенного к В. Ф. Вяземской.

1828

ДРУЗЬЯМ. Нет я не льстец... (стр. 47).

Появление стансов «В надежде славы и добра» повело к тому, что Пушкина обвиняли в лести не только во враждебных ему кругах, но и среди его друзей. В ответ на эти обвинения Пушкин написал новые стансы «Друзьям» и представил их на рассмотрение Николая I. На это Пушкин получил ответ от Бенкендорфа: «Что же касается до стихотворения вашего под заглавием «Друзьям», то его величество совершенно доволен им, но не желает, чтобы оно было напечатано». В действительности смысл стихотворения заключается в политической программе, изложенной в трех последних четверостишиях, где Пушкин противопоставляет себя льстецам: ограничение самодержавной власти, защита народных прав и просвещения, требование права свободного выражения мнения. Именно это и послужило причиной, почему Николай запретил печатать эти стихи.

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ. Сочинителю «Сатиры на игроков». Так элегическую лиру (стр. 50). Напечатано в «Северной Пчеле», 1828 г., № 30, 10 марта.

В сатире И. Е. Великопольского «К Эрасту» (вышла в свет в феврале 1828 г.) изображался Арист, который в одну ночь проиграл всё свое состояние, погубил честь и лишился рассудка. Между тем сам Великопольский любил крупную игру; так, играя с Пушкиным, он проиграл ему большую сумму.

В ответ на данное стихотворение Великопольский написал стихотворное послание Пушкину, вспоминая проигрыши поэта. В частности он писал:

Глава «Онегина» вторая
Съезжала скромно на тузе.

Послание это не было напечатано, так как Пушкин не дал согласия на его опубликование, что послужило причиной размолвки Пушкина и Великопольского. См. письмо Великопольскому от конца марта 1828 г.

СТО ЛЕТ МИНУЛО, КАК ТЕВТОН (стр. 52). Напечатано в «Московском Вестнике», 1829 г., ч. I, под заглавием «Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валенрод». Написано в марте 1828 г.

Поэма Мицкевича, начальные стихи которой перевел Пушкин, вышла в свет по-польски в Петербурге в 1828 г.

КТО ЗНАЕТ КРАЙ, ГДЕ НЕБО БЛЕЩЕТ (стр. 54). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи обращены к Марии А. Мусиной-Пушкиной, после ее возвращения в Россию из-за границы. Эпиграфы объясняются тем, что Мусина-Пушкина обрадовалась клюкве.

Первый эпиграф — из песенки Миньоны (в романе «Вильгельм Мейстер» Гёте).

В. С. ФИЛИМОНОВУ. При получении поэмы его «Дурацкий колпак» (стр. 57). При жизни Пушкина не печаталось.

Вл. С. Филимонов (1787—1858) издал в 1828 г. две части шутливой поэмы «Дурацкий колпак» и

прислал их Пушкину со следующей посвятительной надписью:

А. С. Пушкину

Вы в мире славою гремите;
Поэт! в лавровом вы венке.
Певцу безвестному простите:
Я к вам являюсь — *в колпаке.*

СПб. Марта 22, 1828.

Ответом на это посвящение и является послание Пушкина.

TO DAWE, ESQr. Зачем твой дивный карандаш (стр. 58). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. Написано 9 мая 1828 г. на пароходе при поездке в Кронштадт.

Дж. Дау — художник, автор портретов галлереи 1812 г. в Зимнем дворце. В 1828 г. он ехал в Англию и встретился с Пушкиным на пароходе, шедшем до Кронштадта. Нарисованный им портрет Пушкина неизвестен.

Оленина. См. «Ты и вы» (стр. 60).

ВОСПОМИНАНИЕ (стр. 59). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. Написано 19 мая 1828 г. В черновой рукописи имеет продолжение. См. «Из ранних редакций».

ТЫ И ВЫ (стр. 60). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. Написано 23 мая 1828.

В 1828 г. Пушкин увлекался дочерью президента Академии художеств Анной Алексеевной Олениной (1808—1888) и даже сватался за нее, но затем сам отказался от брака. О поводе к стихотворению говорит запись самой Олениной: «Анна Алексеевна Оленина ошиблась, говоря Пушкину *ты*, и на другое воскресенье он привез эти стихи».

ДАР НАПРАСНЫЙ, ДАР СЛУЧАЙНЫЙ (стр. 61). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год.

26 мая — день рождения Пушкина. См. стихотворение «В часы забав иль праздной скуки» (стр. 165).

И. В. СЛЁНИНУ. Я не люблю альбомов модных (стр. 62). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год.

Слёнин — петербургский издатель и книгопродавец.

ЕЩЕ ДУЮТ ХОЛОДНЫЕ ВЕТРЫ (стр. 63). При жизни Пушкина не печаталось. Черновой необработанный набросок.

КОБЫЛИЦА МОЛОДАЯ (стр. 64). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год под заглавием «Подражание Анакреону».

ЕЕ ГЛАЗА (стр. 65). Без разрешения Пушкина напечатано в альманахе «Северная Звезда» на 1829 год, что вызвало протест поэта (см. т. VII, стр. 93). В печати имя Олениной заменено условным именем Элодии.

Стихи являются ответом на стихотворение Вяземского «Черные очи», где воспевались глаза А. О. Россет. Здесь Пушкин пишет о глазах Анны Олениной. Список в альбоме Олениной дает первоначальное чтение второго стиха: «Твоя Росетти егоза».

НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНЕ (стр. 66). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. Написано 12 июня 1828.

Поводом к созданию стихотворения послужила случайно услышанная Пушкиным грузинская мелодия, которую Грибоедов сообщил Глинке.

К ЯЗЫКОВУ. К тебе сбирался я давно (стр. 67). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. Написано 14 июня 1828.

Киселев. См. «Н. Д. Киселеву» (стр. 91).

Гербовые заботы. В 1828 г. летом Пушкину приходилось хлопотать об уплате своих долгов (в значительной части карточных), достигавших десяти тысяч.

ПОРТРЕТ (стр. 68). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год.

В стихотворении дана характеристика гр. А. Ф. Закревской. См. следующее стихотворение.

НАПЕРСНИК (стр. 69). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. Писано 12 августа 1828. В рукописи имеет продолжение (см. «Из ранних редакций»).

Предполагают, что Пушкин имел в виду Аграфену Фед. Закревскую (1799—1879), жену финляндского генерал-губернатора, а с 1828 г. министра внутренних

дел. А. Закревская отличалась эксцентричностью поведения и несдержанным темпераментом.

ПРЕДЧУВСТВИЕ (стр. 70). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год.

Стихотворение написано в связи с делом о распространении стихов из «Андрея Шенье».

УТОПЛЕННИК (стр. 71). Напечатано в «Московском Вестнике», 1829 г., № 1, с подзаголовком «Простонародная песня» (в оглавлении «Простонародная сказка»).

РИФМА, ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА (стр. 74). При жизни Пушкина не печаталось. На подобную же тему Пушкин в 1830 г. написал стихотворение «Рифма». Повидимому, мысль переделать стихотворение в гекзаметры возникла у Пушкина еще в 1828 г. К этому году относится запись среди черновиков: «Грустен бродил Аполлон с Олимпа...» (стих недописан).

ВОРОН К ВОРОНУ ЛЕТИТ (стр. 76). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. В издании «Стихотворений» 1829 г. в оглавлении имеет название «Шотландская песня».

Пушкин взял балладу из французского перевода (1826 г.) сборника шотландских баллад В. Скотта, но переложил только первую половину.

ГОРОД ПЫШНЫЙ, ГОРОД БЕДНЫЙ (стр. 77). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год.

В стихотворении дана характеристика Петербурга. Последние строки относятся к А. А. Олениной.

19 ОКТЯБРЯ 1828. Усердно помолившись богу (стр. 78). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи вписаны в протокол празднования лицейской годовщины 1828 г. После празднования в ночь Пушкин выехал из Петербурга в Малинники (имение Вульф в Старицком уезде Тверской губернии).

В ПРОХЛАДЕ СЛАДОСТНОЙ ФОНТАНОВ (стр. 79). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихотворение, повидимому, обращено к Мицкевичу. Крымские сонеты Мицкевича, появившиеся в конце 1826 г. и переведенные на русский язык (прозою) Вяземским,

привлекли общее внимание. Как о поэте Крыма Пушкин и говорит здесь о Мицкевиче. В последних стихах следует видеть указание на воспетую Мицкевичем Литву.

АНЧАР (стр. 80). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год. Написано 9 ноября 1828 г., в Малинниках.

В рукописи эпиграф:

It is a poison-tree that pierced to the inmost
Weeps only tears of poison.

Coleridge

Эпиграф взят из трагедии Кольриджа «Раскаяние» (д. I, явл. I).

В «Северных Цветах» в последней строфе вместо «князь» было напечатано «царь». Это насторожило Бенкендорфа, заподозрившего в стихотворении какое-то иносказание. Пушкину пришлось давать объяснения. См. его письма Бенкендорфу от 7 февраля 1832 г. и 18—24 февраля (черновое).

ОТВЕТ КАТЕНИНУ (стр. 82). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год. Написано 10 ноября 1828 г., в Малинниках.

П. А. Катенин прислал Пушкину для «Северных Цветов» балладу «Старая быль» и послание Пушкину. Баллада повествовала о состязании двух певцов при дворе князя Владимира. Скопец-грек поет витиеватую песнь, восхвалявшую милость царей. Русский певец отказывается от состязания. Греку в награду дают оружие, русскому отдают вторую награду — кубок. В послании Катенин объяснял, что кубок каким-то образом теперь достался Пушкину, и предлагал пить из него, предупреждая, что кубок заворожен, и пить из него, не проливая вина, может только подлинный поэт. И баллада и послание производили впечатление намеков, причем под льстивым греком, как можно было догадаться, Катенин подразумевал Пушкина. «Старую быль» Пушкин напечатал с примечанием (см. т. X, стр. 255), а послание не напечатал, но поместил свой ответ, в котором отклоняет предложение Катенина пить из его кубка.

Не пью, любезный мой сосед. Стих из стихотворения Державина «Философы пьяный и трезвый».

ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦОВОЙ (стр. 83). Напечатано в «Северных Цветах» на 1829 год.

Стихи являются ответом на послание Готовцовой к Пушкину, напечатанное в той же книжке «Северных Цветов». Послание кончалось стихами, перебиваемыми строками точек:

Одно... Но где же совершенство?
В луне и солнце пятна есть!
. . . .
. . . .
Несправедлив твой приговор;
Но порицать тебя не смеем:
Мы гению простить умеем —
Молчанье выразит укор.

Эти стихи, повидимому, вызваны строфами из IV главы «Евгения Онегина» (не вошедшими в окончательный текст), напечатанными под заглавием «Женщины». Свой ответ Пушкин написал по настоянию Вяземского и Дельвига. См. письма Пушкина Дельвигу от середины ноября и от 26 ноября 1828 г.

ЦВЕТОК (стр. 84). Напечатано в журнале «Галатея», 1829 г., № 2.

ПОЭТ И ТОЛПА (стр. 85). Напечатано под названием «Чернь» в «Московском Вестнике», 1829 г., ч. I. Настоящее название стихотворению дано Пушкиным при подготовке нового издания стихотворений, не вышедшего в свет.

Эпиграф — восклицание жреца из 6-й песни «Энеиды» Виргилия.

Стихотворение является ответом на требования дидактического морализма, какие предъявлялись Пушкину. Еще в начале 1828 г. в «Московском Вестнике», к редакции которого тогда близок был Пушкин, отмечались обращенные к Пушкину советы «строгих Аристархов» «преподавать уроки нравственности». Но не столько на страницах журналов, сколько в самом обществе, особенно в кругах, близких правительству, было заметно стремление сделать поэта орудием для выражения чуждой ему идеологии, «направить» его перо для служения практическим целям и интересам, далеким от тех идеа-

лов, какие ставил себе Пушкин в своем творчестве. Именно к этим людям и обращено протестующее стихотворение Пушкина, требующее свободы творчества. Во всяком случае было бы ошибочно видеть в этом стихотворении проповедь так называемого «искусства для искусства». Этому противоречит всё творчество Пушкина, взятое в целом.

КАКОВ Я ПРЕЖДЕ БЫЛ, ТАКОВ И НЫНЕ Я (стр. 88). Напечатано в третьей части «Стихотворений» Пушкина 1832 г. с датой 1828. В оглавлении названо «Отрывок из Андрея Шенье». Однако из Андре Шенье взят только эпиграф, довольно точно повторенный в первом стихе; в остальном стихотворение Пушкина не имеет ничего общего с элегией Шенье.

ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ (стр. 89). При жизни Пушкина не печаталось. Об этой эпитафии сообщает Мария Ник. Волконская: «В Чите я получила известие о смерти моего бедного Николая, моего первенца, оставленного в Петербурге. Пушкин прислал мне эпитафию, написанную на него». Николай, сын декабриста Волконского, родился в январе 1826 г. и при отъезде М. Волконской в Сибирь был оставлен у родителей ее Раевских. Он умер двух лет в феврале 1828 г. М. Волконская узнала об этом только в начале 1829 г. В письме отцу 11 мая 1829 г. она писала: «Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию на моего дорогого ангела, написанную для меня. Она прекрасна, сжата, но полна мыслей, за которыми слышится так много. Как же я должна быть благодарна автору!..»

УВЫ! ЯЗЫК ЛЮБВИ БОЛТЛИВЫЙ (стр. 90). Черновой набросок. Написан 9 мая 1828 г. одновременно со стихотворением «Зачем твой дивный карандаш».

Н. Д. КИСЕЛЕВУ. Ищи в чужом краю здоровья и свободы (стр. 91). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 14 июня 1828. Вписано Пушкиным в записную книжку Киселева. Там же Пушкин нарисовал свой портрет.

Ник. Дмитр. Киселев (1802—1869) учился в Дерптском университете вместе с Языковым. В 1828 г. Киселев направлялся с дипломатическими поручениями в Вену и по дороге должен был остановиться в Карлсбаде.

КИРДЖАЛИ. В степях зеленых Буджака (стр. 92) Необработанное черновое начало неосуществленного замысла.

Б. М. ФЕДОРОВУ. Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи (стр. 93). При жизни Пушкина не печаталось.

Борис Федоров — мелкий журналист и поэт.

ИЗ АЛЬБОМА А. П. КЕРН (стр. 94). Шуточные записи Пушкина. Три первые сообщены в воспоминаниях А. Керн, четвертая — в воспоминаниях П. Каратыгина, последняя сохранилась в автографе. На ней помета А. Керн: 19 октября 1828. С. Петербург.

«Если в жизни поднебесной». Перевод записанных в альбом Керн французских стихов.

«Amour, exil». Приписка к французским стихам, под которыми значилось: «Ecrit dans mon exil».

«Не смею вам стихи Баркова». Приписка к стихам, записанным в альбом Д. Н. Барковым, известным театралом того времени, бывшим в 1819 г. членом «Зеленой лампы» (см. т. II, примеч. к посланию Я. Толстому, стр. 450).

Когда, стройна и светлоока. Первые два стиха этой записи — из стихотворения А. Подолинского «Портрет», записанного им в альбом А. П. Керн.

УРОДИЛСЯ Я, БЕДНЫЙ НЕДОНОСОК (стр. 96). Неоконченный отрывок — обработка народной песни.

БРАДАТЫЙ СТАРОСТА АВДЕЙ (стр. 97). Неоконченный отрывок.

ЗА NETTY СЕРДЦЕМ Я ЛЕТАЮ (стр. 98). Шуточное четверостишие, обращенное к Анне Ивановне Вульф, племяннице П. А. Осиповой. *R* и *O* — вероятно Россет и Оленина. *NW* — Нетти Вульф.

КАК БЫСТРО В ПОЛЕ, ВКРУГ ОТКРЫТОМ (стр. 99). Необработанный набросок.

ЛИЩИНСКИЙ ОКОЛЕЛ — ОТЕЧЕСТВУ БЕДА! (стр. 100). Рукописная эпиграмма Пушкина, смысл которой неясен.

ПОКОЙНИК, АВТОР СУХОЩАВЫЙ (стр. 101). Набросок эпиграммы.

ОТРЫВКИ (стр. 102).

«Но вы во мне почтили годы». Строка, связанная с неосуществленным замыслом, от которого сохранился черновой план:

Юноша. Председатель пира, тебе и первая чарка etc.

Старый поэт. Благодарю за милость — вы почитаете во мне старость, а не гений — он угас.

Юноша. Мы почитаем в тебе твою славу.

Старый поэт. Что слава? Я ею насладился, но она прошла. Другие времена, другие вдохновенья, другой поэт.

Первый. Спой нам что-нибудь.

Возможно, что к этому замыслу относится и запись «Пир поэтов».

1829

ЕЛ. Н. УШАКОВОЙ. Вы избалованы природой (стр. 103). Напечатано в журнале «Галатея», 1829 г., № 5. Написано в январе 1829.

Стихи обращены к Елизавете Ник. Ушаковой (1810—1872), сестре Екатерины Николаевны (см. обращенные к ней стихи).

Стихи являются переделкой чернового стихотворения 1828 г., обращенного, вероятно, к Олениной. Они почти совпадают в первых шести стихах (см. «Из ранних редакций»).

Пресненское поле. — Дом Ушаковых находился на Пресне, тогда еще не застроенной.

Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ. Когда помилует нас бог (стр. 104). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихи обращены к младшей сестре А. П. Керн. В своих воспоминаниях Керн писала: «Он раз пришел ко мне и, застав меня за письмом к меньшей сестре моей в Малороссию, приписал в нем: Когда помилует нас бог» и т. д.

ПОДЪЕЗЖАЯ ПОД ИЖОРЫ (стр. 105). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год, с датой 1828. Однако в списке стихотворений, составленном Пушкиным, эти стихи отнесены к 1829 г. Судя по письму Пушкина А. Н. Вульфу от 16 октября 1829 г., стихо-

творение могло было быть написано 18 января 1829 г., когда он вместе с Вульфом подъезжал к Ижорам (ближайшая к Петербургу почтовая станция по Московской дороге).

Стихотворение обращено к Ек. Вас. Вельяшевой, двоюродной сестре А. Н. Вульфа. Пушкин виделся с ней в Малинниках осенью 1828 г.

ПРИМЕТЫ (стр. 106). Напечатано в альманахе «Подснежник» в апреле 1829 г.

Рассказывая Е. П. Полторацкой об этом стихотворении, А. П. Керн пишет: «Несколько дней спустя он приехал ко мне вечером и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке: Я ехал к вам и т. д. Писавши эти стихи и напевая их своим звучным голосом, он при стихе:

И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло,

заметил, смеясь:— Разумеется с левой, потому что ехал обратно».

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ (стр. 107). Напечатано в альманахе «Подснежник» 1829 г. с заменой в последнем стихе имени и фамилии звездочками по числу слогов.

Эпиграмма вызвана статьями против Пушкина, напечатанными в «Вестнике Европы» Каченовского.

ЭПИГРАММА. *Журналами обиженный жестоко* (стр. 108). Напечатано в «Московском Вестнике», 1829 г., № 7.

Эпиграмма вызвана обстоятельствами, изложенными в статье Пушкина «Отрывок из литературных летописей» (см. т. VII, стр. 86).

НА ВЕЛИКОПОЛЬСКОГО. Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций (стр. 109). При жизни Пушкина не печаталось.

Эпиграмма вызвана ответом Великопольского на послание к нему Пушкина (см. примечание к этому стихотворению, стр. 487).

Беверлей — игрок, главное действующее лицо драмы Сорена «Беверлей».

ЭПИГРАММА. Там, где древний Кочерговский (стр. 110). Напечатано в «Московском Телеграфе», 1829 г., № 8. В том же номере указана «опечатка», а именно, в 3-й строке снизу надо читать вместо «Вестник» — «Веник». Это указание сделано с целью усиления сатирического смысла эпиграммы.

Древний Кочерговский — Тредиаковский, как переводчик «Истории» Роллена.

Вестник — «Вестник Европы», журнал, издававшийся Каченовским.

Прыскал ижицу... В «Вестнике Европы» применялась своеобразная орфография слов греческого происхождения с употреблением буквы ижица и другими особенностями, вызывавшими насмешки.

КТО НА СНЕГАХ ВОЗРАСТИЛ ФЕОКРИТОВЫ НЕЖНЫЕ РОЗЫ? (стр. 111). Напечатано в альманахе «Царское село» на 1830 год.

Стихотворение содержит характеристику творчества Дельвига.

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ ЛЕЖИТ НОЧНАЯ МГЛА (стр. 112). Напечатано в «Северных Цветах» на 1831 год. Написано в мае 1829 г., во время путешествия в Арзрум. В первоначальной редакции (см. «Из ранних редакций») помечено 15 мая.

КАЛМЫЧКЕ (стр. 113). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 38, 5 июля, с пометой «22 мая 1829. Кап-Кой». Кап-Кой — старое название Владикавказа.

О поводе к созданию стихотворения см. «Путешествие в Арзрум» (т. VI, стр. 644, ср. стр. 674).

Сен-Мар — роман А. де Виньи. Ma dov'è — ария из оперы «Покинутая Дидона».

ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ (стр. 114). При жизни Пушкина не печаталось. Под названием «Легенда» было послано Пушкиным Дельвигу для напечатания в «Северных Цветах», но не появилось там по цензурным причинам. В переделанном виде вошло в «Сцены из рыцарских времен».

ИЗ ГАФИЗА. Не пленяйся бранной славой (стр. 117). Напечатано в альманахе «Царское село» на 1830 год, с датой «5 июля 1829. Лагерь при Евфрате».

В рукописи имеет название: «Шеер I. Фарган-Беку». «Шеер» по-татарски — полк. Очевидно, имеется в виду конный мусульманский полк в русской армии. Фаргат-Бек, повидимому, служил в этом полку. Его портрет, кем-то зарисованный и подписанный Пушкиным, сохранился в бумагах Пушкина.

Ссылка на Гафиза, вероятно, не соответствует действительности, и стихотворение Пушкина не является подражанием.

ОЛЕГОВ ЩИТ (стр. 118). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год.

Стихотворение написано по поводу Адрианопольского мира 2 сентября 1829 г., закончившего русско-турецкую войну, когда русская армия подошла к самому Константинополю.

КАК САТИРОЙ БЕЗЫМЯННОЙ (стр. 119). Напечатано в «Московском Телеграфе», 1829 г., № 18.

В «Вестнике Европы», 1829 г., № 8, появилась статья о «Полтаве», подписанная «С Патриарших прудов». Статья была написана Н. Надеждиным. В ней говорилось о Пушкине: «Он ударился в язвительные стишонки и ругательства». Имелись в виду эпиграммы: «Журналами обиженный жестоко» и «Там, где древний Кочерговский». Настоящая эпиграмма является ответом на статью Надеждина.

СЧАСТЛИВ ТЫ В ПРЕЛЕСТНЫХ ДУРАХ (стр. 120). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год, под заглавием «К N. N.».

Saint-Priest (Сен-При) — любитель карикатурист.

Нелединский-Мелецкий Ю. А. (1752—1829) — поэт сентиментального направления.

САПОЖНИК (стр. 121). Напечатано в «Современнике», 1836 г., том 3.

Стихотворение направлено против Н. Надеждина.

В рукописи эпиграф:

Но видно по всему, что он семинарист.

Дмитриев.

Это — слегка измененный (у Дмитриева: «видно по стихам») стих из сцены, переведенной Дмитриевым из «Ученых женщин» Мольера.

ДОН (стр. 122). Напечатано в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду», 1831 г., № 83, 17 октября.

Арпачай — пограничная река, разделявшая Россию и Турцию. Речь идет о возвращении на родину войск, принимавших участие в турецкой кампании 1829 г.

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ (стр. 123). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год. Написано 4 октября 1829.

Черновой текст дает ряд отдельных вариантов (см. «Из ранних редакций»).

ЗИМА. ЧТО ДЕЛАТЬ НАМ В ДЕРЕВНЕ? Я ВСТРЕЧАЮ (стр. 125). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год. Написано 2 ноября 1829 г. в с. Павловском, имении П. И. Вульф Тверской губернии, рядом с Малинниками.

ЗИМНЕЕ УТРО (стр. 127). Напечатано в альманахе «Царское село» на 1830 год. Написано 3 ноября 1829.

ЭПИГРАММА. Седой Свистов! ты царствовал со славой (стр. 129). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год, за подписью «Арз», т. е. «арзамасец».

Свистов — Д. И. Хвостов. *Собеседник* — член «Беседы любителей русского слова».

Эпиграмму принял на свой счет М. А. Бестужев-Рюмин (см. «Альманашник», т. VII, стр. 153 и 682), напечатавший в «Северном Меркурии» за подписью Ар. З. (т. е. Аристарх Заветный — псевдоним Бестужева-Рюмина) ответную эпиграмму, где говорится:

В нескладных ты своих стихах
Меня зовешь вторым Свистовым.

ЭПИГРАММА. Мальчишка Фебу гимн поднес (стр. 130). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год.

Эпиграмма направлена против Н. Надеждина. В первой части пересказывается переводная эпиграмма В. Л. Пушкина «Какой-то стихотвор».

Я ВАС ЛЮБИЛ: ЛЮБОВЬ ЕЩЕ, БЫТЬ МОЖЕТ (стр. 131). Напечатано в «Северных Цветах» на 1830 год.

ПОЕДЕМ, Я ГОТОВ; КУДА БЫ ВЫ, ДРУЗЬЯ (стр. 132). Напечатано в «Московском Вестнике», 1830 г., № 11, с датой 23 декабря 1829.

Настроения, отразившиеся в стихах, вызваны неудачей в сватовстве за Н. Н. Гончарову. Пушкин собирался отправиться в какое-нибудь путешествие, но ему было в этом отказано.

БРОЖУ ЛИ Я ВДОЛЬ УЛИЦ ШУМНЫХ (стр. 133). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 2, 6 января. Написано 26 декабря 1829.

КАВКАЗ (стр. 135). Напечатано в «Литературной газете», 1831 г., № 1. Написано 20 сентября 1829.

ОБВАЛ (стр. 136). Напечатано в «Северных Цветах» на 1831 год. Написано 29—30 октября 1829.

Ср. первую главу «Путешествия в Арзрум» (т. VI, стр. 654—655).

ДЕЛИБАШ (стр. 138). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год. В рукописи помечено «Саган-Лу». На горах Саган-Лу Пушкин был 13 июня 1829 г. Обработано стихотворение 7 сентября 1830 г.

Делибаш по-турецки буквально — отчаянная голова.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ (стр. 139). Напечатано в «Северных Цветах» на 1831 год. В рукописи помечено 20 сентября.

О монастыре (старинная церковь Цминда Самеба) писал Пушкин в пятой главе «Путешествия в Арзрум» (т. VI, стр. 700—701).

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ (стр. 140). Напечатано в альманахе «Подснежник» в апреле 1830 г. и затем с примечанием (см. т. VII, стр. 151) перепечатано в «Литературной газете».

Имена в этом стихотворении не были названы. Вместо них были поставлены звездочки, которые расшифровываются различно; может быть, Пушкин и рассчитывал на то, что можно подставить много имен под каждое имя, означенное звездочками. Во всяком случае загадочность стихотворения входила в намерения Пушкина. В тексте дана обычно принятая расшифровка.

Из зашифрованных стихов два последних в разных списках отнесены к Рюмину (Бестужеву-Рюмину), Тютчеву, «Борьке» (Федорову) и др. В печати с обидчивыми отзывами о стихотворении выступили Олин и Бестужев-Рюмин. В «Вестнике Европы» появилась пародия, в которой на место звездочек подставлены названия произведений Пушкина. В «Московском Телеграфе» пародия за подписью «Обезьянин» метила во всех сотрудников «Литературной газеты» (ср. т. VII, «Опровержение на критики», раздел «Сам съешь, стр. 179).

КОГДА ТВОИ МЛАДЫЕ ЛЕТА (стр. 141). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 13, 1 марта.

Возможно, что Пушкин имел в виду А. Ф. Закревскую (ср. «Портрет» и «Наперсник», стр. 68 и 69).

Чтение первого стиха последнего четверостишия вызывает некоторые сомнения: в «Литературной газете» было «мутительной», а в издании стихотворений 1832 г. «мучительной». Неясно, опечатка ли это или поправка.

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ (стр. 142). При жизни Пушкина не печаталось. В рукописи дата «21 сентября».

Это стихотворение ставят в связь с заметкой «Торвальдсен, делая бюст известного человека...» (см. т. VII, стр. 519) и полагают, что здесь говорится о бюсте Александра I. Бюст Александра I Торвальдсен изваял в Варшаве в 1820 году.

ФАЗИЛЬ-ХАНУ. Благословен твой подвиг новый (стр. 143). Черновой необработанный набросок, датированный «Душет, 27 мая». О встрече Пушкина с персидским поэтом Фазиль-Ханом см. «Путешествие в Арзрум» (т. VI, стр. 653).

КРИТОН, РОСКОШНЫЙ ГРАЖДАНИН (стр. 144). Набросок неосуществленного замысла. Датирован 16 июля 1829.

НА КАРТИНКИ К «ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ» В «НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ» (стр. 145).

В «Невском альманахе» на 1829 год было помещено шесть гравюр по рисункам А. Нотбека к «Евгению Онегину». По рассказу М. И. Пущина, Пушкин на Кавказских минеральных водах осенью 1829 г. записал

стихи к этим гравюрам ему в экземпляр «Невского альманаха». Вторая надпись состояла из 12 стихов, но первых четырех Пущин не запомнил. По другому рассказу Пушкин послал эти стихи Аладьину, издателю альманаха.

ОПЯТЬ УВЕНЧАНЫ МЫ СЛАВОЙ (стр. 146). Необработанный набросок стихотворения, посвященного Адрианопольскому миру, заключенному 2 сентября 1829 г. По этому мирному договору Россия приобретала острова в устье Дуная и ряд городов на Черноморском побережье Кавказа. Греция получала независимость. Стихотворение это долгое время печаталось ошибочно как два самостоятельных наброска. По ошибочной догадке редакторы переставляли отдельные строфы, придавая им не тот смысл, какой они имеют.

Эдырне — турецкое название Адрианополя.

«Восстань, о Греция...» Слово «восстань» здесь означает «подымись», «воспрянь». Весь стих — цитата из революционного гимна Ригаса.

«Олимп и Пинд и Фермопилы». Пушкин перечисляет те места, где велась освободительная война греков с турками, но не имеет в виду территории, отошедшие к Греции. По договору 1829 г. Олимп и Пинд оставались на территории Турции.

Тиртей — греческий поэт VII века до нашей эры, автор патриотических военных элегий.

Рига — Ригас Константин (1757—1798), греческий патриот, автор гимнов, воспевавших свободу Греции. Один из наиболее популярных его гимнов переведен Байроном, а на русский язык Н. Гнедичем («Воспряньте, Греции народы»).

«Под сенью ветхой их вершин». Афинский Акрополь.

ЗОРЮ БЬЮТ... ИЗ РУК МОИХ (стр. 147). Необработанный отрывок.

НА НАДЕЖДИНА. Надеясь на мое презренье (стр. 148). Эпиграмма при жизни Пушкина не печаталась. Написана по поводу бранных статей Надеждина, напечатанных в «Вестнике Европы» Каченовского («Седой зоил»).

БЫЛ И Я СРЕДИ ДОНЦОВ (стр. 149). Необработанный отрывок.

НА НАДЕЖДИНА. В журнал совсем не европейский (стр. 150). Неоконченная эпиграмма на статьи Надеждина в «Вестнике Европы».

МЁДОК (Мѐдок в Уаллах) (стр. 151). Черновой перевод начала поэмы Саути «Мѐдок».

СТРЕКОТУНЬЯ БЕЛОБОКА (стр. 152). Недоработанный набросок.

ЗАЧЕМ, ЕЛЕНА, ТАК ПУГЛИВО (стр. 153). Неоконченный черновой набросок.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ (стр. 154). Необработанное черновое стихотворение. Написано 14 декабря 1829 г., в форме «Воспоминаний в Царском Селе» 1814 г.

ЕЩЕ ОДНОЙ ВЫСОКОЙ, ВАЖНОЙ ПЕСНИ (стр. 156). Необработанный черновик. Перевод начала «Гимна к пенатам» Р. Саути.

МЕЖ ГОРНЫХ СТЕН НЕСЕТСЯ ТЕРЕК (стр. 158). Необработанный отрывок.

Стихотворение является описанием обвала, перегородившего течение Терека. Ср. «Путешествие в Арзрум» (т. VI, стр. 655).

И ВОТ УЩЕЛЬЕ МРАЧНЫХ СКАЛ (стр. 159). Черновой набросок.

СТРАШНО И СКУЧНО (стр. 160). Неоконченный черновой набросок.

ОТРЫВКИ (стр. 161). Первый отрывок — запись в альбоме Ек. Н. Ушаковой под ее портретом, рисованным Пушкиным. По словам племянника Ушаковой, эта строка — начало не сохранившегося стихотворения Пушкина.

1830

ЦИКЛОП. Язык и ум теряя разом (стр. 162). Стихотворение написано для костюмированного бала в Аничковом дворце 4 января 1830 г. по поводу заключения Адрианопольского мира. Участники бала наряжены были древнегреческими мифологическими существами, причем

женщины рядились богами, а мужчины — богинями. Дочь Е. М. Хитрово, Ек. Фед. Тизенгаузен нарядилась циклопом. Участники бала должны были декламировать соответствующие костюму стихи. Пушкин и написал стихи для этого случая. Стихотворение было напечатано вместе с другими, прочтенными на том же вечере, в особой брошюре. Ср. письмо к Тизенгаузен от 1 января 1830 г.

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ? (стр. 163). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 20, 6 апреля. Включено в издание 1832 г. с датой: 1829. Записано в альбом К. Собаньской 5 января 1830 г.

ОТВЕТ. Я вас узнал, о мой оракул! (стр. 164). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 3, 11 января, за подписью Крс. Стихотворение обращено к Екатерине Ушаковой. См. стихотворения «Когда бывало в старину» и «В отдалении от вас» (стр. 11 и 13).

«Ни муз, ни Пресни, ни харит». Ушаковы жили на Средней Пресне, на Замореновой улице.

В ЧАСЫ ЗАБАВ ИЛЬ ПРАЗДНОЙ СКУКИ (стр. 165). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 12, 25 февраля, с пометой «19 января 1830, СПб».

Стихотворение вызвано стихами митрополита Филарета по поводу стихотворения «Дар напрасный, дар случайный». Стихи Филарета начинались:

Не напрасно, не случайно
Жизнь от бога мне дана,
Не без воли бога тайной
И на казнь осуждена...

Стихи Пушкина писаны по просьбе Е. М. Хитрово, общей знакомой Пушкина и Филарета. См. письмо ей от первой половины января 1830 г.

НЕТ, Я НЕ ДОРОЖУ МЯТЕЖНЫМ НАСЛАЖДЕНЬЕМ (стр. 166). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 19 января 1830.

СОНЕТ. Суровый Дант не презирал сонета (стр. 167). Напечатано в «Московском Вестнике», 1830 г., № 8.

Эпиграф взят из сонета Вордсворта на ту же тему.

«Под сенью гор...» Речь идет о крымских сонетах Мицкевича.

НА БУЛГАРИНА. Не то беда, что ты поляк (стр. 168). Эпиграмма, ходившая в рукописи. Напечатана Булгариным в «Сыне отечества», 1830 г., № 17, с заменой имени: вместо «Видок Фиглярин» — «Фаддей Булгарин» при следующей заметке: «В Москве ходит по рукам и пришла сюда для раздачи любопытствующим эпиграмма одного известного поэта. Желая угодить нашим противникам и читателям и сберечь сие драгоценное поризведение от искажений при переписке, печатаем оное». В ответ на выходку Булгарина Дельвиг хотел напечатать в «Литературной газете» подлинный текст эпиграммы, но цензура этого не разрешила.

К ВЕЛЬМОЖЕ (стр. 169). Напечатано в «Литературной газете», 1830 г., № 30, 26 мая, под названием: «Послание к К. Н. Б. Ю***» (т. е. князю Николаю Борисовичу Юсупову). Писано 23 апреля 1830.

Юсупов (1751—1831), вельможа екатерининского времени, жил последние годы в подмосковном имении Архангельском, где Пушкин и посещал его. При Екатерине Юсупов с дипломатическими поручениями объездил Европу. Затем он заведывал театрами и Эрмитажем. Послание вызвало нападки на Пушкина со стороны Н. Полевого на страницах «Московского Телеграфа», обвинявшего Пушкина в низкой лести перед вельможами. Полевой совершенно замолчал основную тему послания: переворот в историческом облике Европы в связи с событиями Французской революции.

Алябьева А. В. (1812—1891) — московская красавица.
Гончарова Н. Н.— невеста Пушкина.

НОВОСЕЛЬЕ (стр. 173). Напечатано в альманахе «Сиротка» на 1831 год. Стихотворение обращено, вероятно, к М. П. Погодину.

КОГДА В ОБЪЯТИЯ МОИ (стр. 174). При жизни Пушкина не печаталось.

ПОЭТУ. Поэт! не дорожи любовию народной (стр. 175). Напечатано в «Северных Цветах» на 1831 год. Написано 7 июля 1830. Стихотворение вызвано напад-

ками на Пушкина на страницах «Московского Телеграфа» и «Северной Пчелы», где до того времени печатались восторженные рецензии о его сочинениях. Ср. стихотворение «Поэт и толпа» (стр. 85).

МАДОННА (стр. 176). Напечатано в альманахе «Сиротка» на 1831 год. Написано 8 июля 1830.

Ср. письмо Н. Гончаровой от 30 июля 1830 г. В стихотворении и в письме говорится об одной и той же картине.

БЕСЫ (стр. 177). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год. Написано 7 сентября 1830 г., в Болдине.

ЭЛЕГИЯ. Безумных лет угасшее веселье (стр. 179). Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834 г., т. VI. Написано 8 сентября 1830.

ОТВЕТ АНОНИМУ (стр. 180). Напечатано в «Северных Цветах» на 1831 год. Написано 26 сентября 1830.

Пушкиным было получено неподписанное стихотворное послание, касавшееся предстоящей его женитьбы. Автором его был И. А. Гульянов, ученый-египтолог. В послании говорилось о музах, встревоженных слухами о женитьбе поэта. В конце автор обращался к музам:

Уймите дух ваш сокрушенный.
О музы! друг ваш вожделенный
Небесным пламенем горит.
Источник новых откровений
Залогом будет вдохновений —
И снова гений воспарит.

ТРУД (стр. 181). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год под общим названием «Анфологические эпиграммы» вместе с стихотворениями «Царскосельская статуя», «Отрок» и «Рифма».

Стихотворение, повидимому, связано с окончанием «Евгения Онегина».

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ (стр. 182). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год. См. стихотворение «Труд». Написано 1 октября 1830.

Стихотворение написано на статую работы Соколова, изображающую Перетту (из басни Лафонтена). Статуя изображает девушку над разбитым кувшином; из черепка непрерывно льется вода.

ГЛУХОЙ ГЛУХОГО ЗВАЛ К СУДУ СУДЬИ ГЛУХОГО (стр. 183). При жизни Пушкина не печаталось. Пушкин приводит эти стихи в статье «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» в качестве «старинной эпиграммы» (см. т. VII, стр. 198). Это вольная переделка эпиграммы П. Пелиссона «Трое глухих».

ПРОЩАНИЕ. В последний раз твой образ милый (стр. 184). Напечатано с нотами А. Есаулова отдельным изданием. Написано 5 октября 1830 г., в Болдине.

В предварительном списке стихотворений, предназначавшихся для издания 1832 г., это стихотворение названо «К Е. W.», причем буквы написаны в виде монограммы, как Пушкин обозначал имя Елизаветы Воронцовой.

ПАЖ или ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД (стр. 185). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 7 октября 1830 г., в Болдине.

Эпиграф имеет в виду Керубино — пажа из комедии Бомарше «Свадьба Фигаро». В конце стихотворения вместо «севильскую» первоначально было написано «варшавскую».

РУМЯНЫЙ КРИТИК МОЙ, НАСМЕШНИК ТОЛСТОПУЗЫЙ (стр. 187). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 10 октября 1830.

К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ. Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера (стр. 189). При жизни Пушкина не печаталось и в самой рукописи тщательно зачеркнуто.

Перевод «Илиады» вышел в свет в начале 1830 г.

Я ЗДЕСЬ, ИНЕЗИЛЬЯ (стр. 190). Было издано в 1834 году отдельно как романс с музыкой М. Глинки. Написано 9 октября 1830.

РИФМА. Эхо, бессонная нимфа, скиталась по брегу Пенея (стр. 191). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год. См. «Труд». Написано 10 октября 1830.

ОТРОК (стр. 192). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год. См. «Труд» (стр. 181). Написано 10 октября 1830.

Отрок-рыбак — М. В. Ломоносов.

ЭПИГРАММА. Не то беда, Авдей Флюгарин (стр. 193). Напечатано без подписи в альманахе «Денница» на 1831 год. Написано, вероятно, 16 октября 1830.

Эпиграмма дополняет другую — «Не то беда, что ты поляк», напечатанную самим Булгариным, против которого она направлена.

Скучный роман — «Дмитрий самозванец» Булгарина.

ЗАКЛИНАНИЕ (стр. 194). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 17 октября 1830.

СТАМБУЛ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТ (стр. 195). В другой, переработанной редакции вошло в «Путешествие в Арзрум». Написано 17 октября 1830.

ДЕЛЬВИГУ. Мы рождены, мой брат названный (стр. 197). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение не окончательно отделано.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ (стр. 198). При жизни Пушкина не печаталось. Написано в октябре 1830 г., в Болдине.

ГЕРОЙ (стр. 199). Напечатано без подписи в «Телескопе», 1831 г., № 1, куда было отдано М. П. Погодиным; см. письмо к нему Пушкина от начала ноября 1830 г. Дата под стихами означает день приезда Николая I в холерную Москву и не имеет отношения к времени написания стихотворения.

Пришлец сей бранный — Наполеон.

«Одров я вижу длинный строй...» Здесь описывается посещение Бонапартом чумного госпиталя в Яффе в 1799 г. По преданию, Наполеон, чтобы ободрить больных, пожал руку чумному.

Историк строгий. Пушкин ссылается на «Мемуары», которые появились в 1829—1830 гг. и автором которых значился Бурьен. В действительности они были составлены журналистом Вильмаре. В этих мемуарах

утверждалось, что Наполеон не прикасался к чумным.

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ ШКОЛУ ПОМНЮ Я (стр. 202). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение, возможно, сохранилось не полностью.

В данном стихотворении (см. также «Из ранних редакций») Пушкин, повидимому, изображает Италию эпохи позднего средневековья.

«То были двух бесов изображенья...» Статуи Аппполона и, вероятно, Венеры.

НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ. Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи (стр. 204). Напечатано в альманахе «Альциона» на 1832 год. Написано 8 ноября 1830.

Стихи посвящены выходу в свет перевода «Илиады», сделанного Н. И. Гнедичем.

ДЛЯ БЕРЕГОВ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ (стр. 205) При жизни Пушкина не печаталось. Написано 27 ноября 1830. Ср. стихотворение 1826 года «Под небом голубым страны своей родной» (т. II, стр. 332).

В рукописи последние стихи первоначально читались:

Но сладкий поцелуй свиданья...
Его я жду; он за тобой...

Но затем Пушкин переделал эти стихи, допустив при этом ошибку:

А с ним и поцелуй свиданья...
Но жду его; он за тобой.

В тексте дано последнее чтение, с устранением ошибки Пушкина.

ИЗ BARRY CORNWALL. Пью за здравие Мери (стр. 206). Напечатано в альманахе «Денница» на 1831 год.

Эпиграф взят из стихотворения английского поэта Барри Корнуола.

ПРЕД ИСПАНКОЙ БЛАГОРОДНОЙ (стр. 207). При жизни Пушкина не печаталось.

В рукописи необработанное и незаконченное продолжение:

Одного люблю, конечно,
Отвечает им она,
. . . . . но тайну вечно
Я хранить от вас должна.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ (стр. 208). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 3 декабря 1830.

Обстоятельства, вызвавшие это стихотворение, изложены Пушкиным в письме Бенкендорфу от 24 ноября 1831.

В рукописи имеется эпиграф:

Je suis vilain et très vilain,
Je suis vilain, vilain, vilain.

Béranger.

Этот эпиграф заимствован из песни Беранже «Le Vilain».

В третьей строфе стихотворения перечисляется ряд русских дворянских родов недавнего происхождения: *торговал блинами* Меншиков; *ваксил царские сапоги* камердинер Павла I граф Кутайсов; *пел с придворными дьячками* Разумовский; *князь из хохлов* — Безбородко.

«С Петром мой пращур не поладил». Федор Пушкин, казненный в 1697 г. за участие в заговоре Циклера.

«Мой дед, когда мятеж поднялся...» Лев Александрович Пушкин; был посажен в крепость после переворота 1762 г.

Post scriptum. Эту тему Пушкин хотел изложить в эпиграмме, но набросал только отрывочные строки:

Говоришь: за бочку рома;
Не завидное добро.
Ты дороже, сидя дома,
Продаешь свое перо.

«он в Мещанской дворянин...» — Мещанская улица — район притонов. Стихи вызваны фактами биографии жены Булгарина, которая до свадьбы была связана с притонами Мещанской.

ЦЫГАНЫ (стр. 211). Напечатано в альманахе «Денница» на 1831 год. Пушкин помечал это стихотворение

как перевод с английского, но ничего подобного в английской поэзии не найдено. Самое содержание стихотворения связано с фактами жизни Пушкина: в Бессарабии Пушкин провел некоторое время с цыганским табором.

ШУМИТ КУСТАРНИК... НА УТЕС (стр. 212). Необработанный черновик.

ПОЛЮБУЙТЕСЬ ЖЕ ВЫ, ДЕТИ (стр. 213). Стихотворная шутка Пушкина, при его жизни в печати не появлявшаяся.

Длинный Фирс — С. Г. Голицын. По рассказу М. Н. Лонгинова, С. Голицын, играя с человеком, уже задолжавшим ему, на его вопрос: «На какие деньги играешь, на эти или на те?» (разумея под «теми» долг), отвечал: «Это всё равно: и на эти и на те и на те, те, те».

Россети — А. О. Россет, впоследствии Смирнова (см. т. II).

ДВА ЧУВСТВА ДИВНО БЛИЗКИ НАМ (стр. 214). Черновой набросок.

КОГДА ПОРОЙ ВОСПОМИНАНЬЕ (стр. 215). Необработанное и неоконченное стихотворение.

ОТРЫВОК. Не розу пафосскую (стр. 217). Неоконченное стихотворение. Название «Отрывок» принадлежит самому Пушкину.

ОТРЫВКИ (стр. 218). Черновые неоконченные наброски. «Но Анатоль не понимал». Цитата из романа Ж. Жанена «Исповедь».

1831

ПЕРЕД ГРОБНИЦЕЮ СВЯТОЙ (стр. 220). Первые 18 стихов напечатаны Пушкиным в «Современнике», 1836 г., т. 4, в «Объяснении» по поводу стихотворения «Полководец». Написано в июне 1831 г., когда неясен был исход Польского восстания. См. письмо Пушкина Елизавете Хитрово (сентябрь 1831 г.).

Святая гробница — место погребения М. И. Кутузова в Казанском соборе в Петербурге.

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ (стр. 222). Напечатано в брошюре «На взятие Варшавы», содержавшей три стихотворения Пушкина и Жуковского (сентябрь 1831 г.). Написано 16 августа 1831 г., т. е. до взятия Варшавы (26 августа).

В рукописи эпиграф: Vox et praeterea nihil.

Поводом к стихотворению послужили речи во Французской палате депутатов (Лафайета, Могена и других), призывавшие к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия.

В стихотворении отразились те же настроения, которые Пушкин выразил в письме Вяземскому от 1 июня 1831 г.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА (стр. 224). Напечатано вместе со стихотворением «Клеветникам России». Написано 5 сентября 1831 г., после получения известия о взятии Варшавы.

День взятия Варшавы (26 августа) совпал с годовщиной Бородинского сражения.

«Куда отдвинем строй твердынь?» Польские деятели восстания требовали восстановления границы России и Польши там, где она проходила до Андрусовского мира 1667 г. (т. е. присоединения к Польше Украины до Днепра, включая Киев).

«Могучий мститель злых обид» — Паскевич, руководивший взятием Варшавы; он был контужен 26 августа.

«Суворов видит плен Варшавы...» Пушкин вспоминает взятие Варшавы Суворовым 24 октября 1794 г. (судьба города была решена взятием Праги, предместья Варшавы на правом берегу Вислы). Донесение о взятии Варшавы Паскевич послал с внуком Суворова.

ЭХО (стр. 227). Напечатано в «Северных Цветах» на 1832 год.

ЧЕМ ЧАЩЕ ПРАЗДНУЕТ ЛИЦЕЙ (стр. 228). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение написано для лицейской годовщины 19 октября 1831 г. См. «Из ранних редакций».

«Шесть мест упраздненных стоят». К этому времени умерло шесть лицеистов первого выпуска: Ржевский (ум. в 1817 г.), Корсаков (1820), Костенский (1830), Саврасов (1830), Есаков (1831) и Дельвиг (1831).

ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ. Любезный Вяземский, поэт и камергер (стр. 230). Стихотворное начало письма от 14 августа 1831 г.

Вяземский 5 августа получил звание камергера. Первой строкой Пушкин повторяет послание В. Л. Пушкина Приклонскому (1812 г.):

Любезный родственник, поэт и камергер.

Знак камергерского звания — ключ носили сзади на придворном мундире.

ИЗ ЗАПИСКИ К А. О. РОССЕТ. От вас узнал я плен Варшавы (стр. 231). С этой запиской, в которой недостает второго стиха, Пушкин послал А. О. Россет брошюру «На взятие Варшавы».

ОТРЫВКИ (стр. 232).

«Так старый хрыч...»—четверостишие, приписанное к стихотворению Дениса Давыдова «Люблю тебя как сабли лоск».

«Ну, послушайте, дети...» — отрывок неосуществленного замысла. Пушкин сперва начал:

Жил был в прежни времена
Живописец беспримерный

1832

И ДАЛЕ МЫ ПОШЛИ — И СТРАХ ОБНЯЛ МЕНЯ (стр. 233). При жизни Пушкина не печаталось. Этот и следующий за ним второй отрывок («Тогда я демонов увидел черный рой») представляют собой шутливое подражание эпизодам из «Ада» Данте.

МАЛЬЧИКУ (из Катулла) (стр. 235). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 18 февраля 1832.

Эпиграф — начальные слова XXVII стихотворения Катулла, переводом которого и являются данные стихи.

В АЛЬБОМ А. О. СМИРНОВОЙ. В тревоге пестрой и бесплодной (стр. 236). При жизни Пушкина не печаталось. В рукописи датировано 18 марта 1832.

Стихотворение написано на первой странице альбома, подаренного Пушкиным Смирновой для того, чтобы она записывала туда свои наблюдения. Самый альбом был озаглавлен Пушкиным «Исторические записки

А. О. С***». Стихотворение написано от лица самой Смирновой.

В АЛЬБОМ кнж. А. Д. АБАМЕЛЕК. Когда-то (помню с умиленьем) (стр. 237). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 9 апреля 1832.

Анна Давыдовна Абамелек (1814—1889) была с детства знакома Пушкину.

ГНЕДИЧУ. С Гомером долго ты беседовал один (стр. 238). При жизни Пушкина не печаталось.

Первой строкой стихотворения Пушкин напоминал Гнедичу об адресованном ему в 1821 г. послании Рылеева, где имеется стих:

С Гомером отвечай всегда беседой новой.

В 1832 г. всякое прямое упоминание имени Рылеева было воспрещено.

КРАСАВИЦА. Всё в ней гармония, всё диво (стр. 239). Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1835 г., кн. 5. Написано, вероятно, в мае 1832 г. и внесено в альбом Ел. Мих. Завадовской (1807—1874), жены знакомого Пушкина графа Завадовского.

К ***. Нет, нет, не должен я, не смею, не могу (стр. 240). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 5 октября 1832.

Стихотворение обращено, вероятно, к Над. Льв. Соллогуб (ок. 1815—1903), петербургской знакомой Пушкина.

В АЛЬБОМ. Гонимый рока самовластьем (стр. 241). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 27 октября 1832.

(ИЗ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКОГО). Чистый лоснится пол... (стр. 242). Напечатано вместе со следующим, под общим названием «Подражания древним», в «Библиотеке для чтения», 1834 г., т. V.

Оба стихотворения взяты из книги Лефевра, в которой находится французский перевод греческого сборника «Пир мудрецов», составленного Афенеем в III веке. Автор первого стихотворения — Ксенофан из Колофона жил в VI веке до нашей эры.

(ИЗ АФЕНЕЯ). Славная флейта, Феон, здесь лежит... (стр. 243). См. предыдущее стихотворение. Данное стихотворение, взятое из сборника Афенея, написано поэтом Гедилом (III век до нашей эры).

БОГ ВЕСЕЛЫЙ ВИНОГРАДА (стр. 244). При жизни Пушкина не печаталось.

Стихотворение взято из той же книги Лефевра, что и два предыдущих.

В АЛЬБОМ. Долго сих листов заветных (стр. 245). При жизни Пушкина не печаталось.

Предполагают, что стихотворение обращено к лицейскому товарищу Пушкина Михаилу Яковлеву.

ОТРЫВКИ (стр. 246). Из черновых тетрадей Пушкина. Второй отрывок говорит о поездке Пушкина в 1829 г. в закавказскую армию, где он встретил друзей-декабристов.

1833

ЮНОША! СКРОМНО ПИРУЙ, И ШУМНУЮ ВАКХОВУ ВЛАГУ (стр. 247). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 2 января 1833.

ВИНО (Ион Хиосский) (стр. 248). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 2 января 1833.

Стихотворение переведено из той же книги Лефевра, из которой взяты стихотворения «Чистый лоснится пол» и др.

ГУСАР (стр. 249). Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834 г., т. I. Написано 18 апреля 1833.

СВАТ ИВАН, КАК ПИТЬ МЫ СТАНЕМ (стр. 254). При жизни Пушкина не печаталось.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ (стр. 256). Напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834 г., т. II, кн. 3. Написано 28 октября 1833 г., в Болдине.

Баллада является переводом из Мицкевича «Три Будрыса».

ВОЕВОДА (стр. 258). Напечатано вместе с предыдущим стихотворением. Написано 28 октября 1833 г., в Болдине.

Вольное подражание балладе Мицкевича «Дозор».

КОГДА Б НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ (стр. 261). При жизни Пушкина не печаталось. В рукописи помечено: «1833, дорога, сентябрь».

ОСЕНЬ (стр. 262). При жизни Пушкина не печаталось. См. «Из ранних редакций». Эпиграф из стихотворения «Евгению. Жизнь Званская».

НЕ ДАЙ МНЕ БОГ СОЙТИ С УМА (стр. 266). При жизни Пушкина не печаталось.

ЦАРЕЙ ПОТОМОК МЕЦЕНАТ (стр. 268). Неоконченный и необработанный отрывок. Перевод из Горация (кн. I, ода I).

ЦАРЬ УВИДЕЛ ПРЕД СОБОЙ (стр. 269). Незаконченный отрывок сказки. Относится ко времени работы над «Сказкой о золотом петушке». В первой части имеет сходство с одним эпизодом из «Легенды об арабском звездочете» В. Ирвинга (солдатики являются изображением вражеских войск, и их истребление вызывало поражение неприятеля). Вторая часть не имеет соответствия в «Легенде».

ФРАНЦУЗСКИХ РИФМАЧЕЙ СУРОВЫЙ СУДИЯ (стр. 270). Начало ненаписанной сатиры.

«В своем отечестве престал ты быть пророком...» Борьба французских романтиков против строгих правил классицизма, основанных преимущественно на авторитете Буало-Депрео.

Жуков — петербургский табачный фабрикант.

В ПОЛЕ ЧИСТОМ СЕРЕБРИТСЯ (стр. 272). Неоконченное черновое стихотворение.

ЧУ, ПУШКИ ГРЯНУЛИ! КРЫЛАТЫХ КОРАБЛЕЙ (стр. 273). Необработанный отрывок. Описание спуска нового корабля.

КОЛОКОЛЬЧИКИ ЗВЕНЯТ (стр. 274). Черновой набросок.

МЕРА ЗА МЕРУ (стр. 275). Необработанное начало перевода трагедии Шекспира «Мера за меру». Ср. «Анджело» (т. IV, стр. 347).

ПЛЕТНЕВУ. Ты хочешь, мой наперсник строгой (стр. 277). Необработанный набросок в форме онегинской строфы. Ответ на предложение Плетнева продолжать «Евгения Онегина».

ОТРЫВКИ (стр. 278). Неоконченные наброски. Первый — начало сказки об Илье Муромце. Второй набросок написан при просмотре старой записной тетради 1822 г. и датирован 9 августа 1833.

1834

ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА! ПОКОЯ СЕРДЦЕ ПРОСИТ (стр. 279). Необработанный отрывок. В рукописи имеется план продолжения:

«Юность не имеет нужды в at home, зрелый возраст ужасается *своего* уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он *домой*.

О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc.— религия, смерть».

Написано, вероятно, в июне 1834 г., когда Пушкин пытался выйти в отставку и поселиться в деревне.

ОН МЕЖДУ НАМИ ЖИЛ (стр. 280). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 10 августа 1834.

Стихотворение вызвано выходом в свет сборника стихов Мицкевича, в котором помещены его политические сатиры, направленные против России, и в частности его стихотворение «Приятелям москалям».

Я ВОЗМУЖАЛ СРЕДИ ПЕЧАЛЬНЫХ БУРЬ (стр. 281). Начало неоконченного стихотворения.

ВЕЗУВИЙ ЗЕВ ОТКРЫЛ — ДЫМ ХЛЫНУЛ КЛУБОМ — ПЛАМЯ (стр. 282). Начало стихотворения.

Написано по поводу картины Карла Брюллова «Последний день Помпеи». Картина была выставлена в 1834 г. в Петербурге. Сохранился рядом с этим стихотворением рисунок Пушкина, изображающий центральные фигуры картины Брюллова.

СТОЮ ПЕЧАЛЕН НА КЛАДБИЩЕ (стр. 283). Неоконченное и неотделанное стихотворение.

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН (стр. 284). Напечатаны в «Библиотеке для чтения», 1835 г., кн. 15, кроме последнего стихотворения, напечатанного в предыдущей, 14 книге того же журнала. Предисловие и при-

мечания появились в «Стихотворениях» Пушкина, ч. IV, 1835 г., где «Песни» были перепечатаны полностью.

Из шестнадцати «Песен» одиннадцать являются подражаниями песням, напечатанным в книге Мериме. Две песни переведены из сборника сербских песен Вука Караджича («Соловей» и «Сестра и братья»). Три песни сочинены самим Пушкиным («Песня о Георгии Черном», «Воевода Милош» и «Яныш королевич»).

1835

(ИЗ АНАКРЕОНА). Узнают коней ретивых (стр. 325). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 6 января 1835.

Перевод оды LV Анакреона.

ОДА LVI. (Из Анакреона). Поредели, побелели (стр. 326). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 6 января 1835.

ОДА LVII. Что же сухо в чаше дно? (стр. 327). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 6 января 1835.

Перевод из Анакреона.

ЮНОШУ, ГОРЬКО РЫДАЯ, РЕВНИВАЯ ДЕВА БРАНИЛА (стр. 328). При жизни Пушкина не печаталось.

ПОЛКОВОДЕЦ (стр. 329). Напечатано в «Современнике», 1836 г., т. III. Написано 7 апреля 1835.

В рукописи вместо стиха «Там, устарелый вождь...» и следующих за ним читается:

Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Искал ты умереть средь сечи боевой.
Вотще! Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей.— А ты, непризнанный, забытый
Виновник торжества, почил — и в смертный час
С презреньем, может быть, воспоминал о нас!

Стихотворение посвящено характеристике Барклая де Толли. Оно начинается с описания галлереи 1812 года в Зимнем дворце, где собраны портреты деятелей отечественной войны, писанные художником Дау. Стихо-

творение вызвало «Критическую заметку на стихотворение Пушкина Полководец» Л. Голенищева-Кутузова. На брошюру эту Пушкин отвечал в «Современнике» «Объяснением» (см. т. VII, стр. 485).

ТУЧА (стр. 332). Напечатано в «Московском Наблюдателе», 1835 г., май. Написано 13 апреля 1835.

ИЗ А. ШЕНЬЕ. Покров, упитанный язвительною кровью (стр. 333). Напечатано в «Современнике», 1836 г., т. I.

Перевод стихотворения А. Шенье «Œta, mont ennobli...» Пушкин начал этот перевод в 1825 г., но перевел только 6 стихов. Через десять лет он снова вернулся к этому стихотворению и закончил свой перевод 20 апреля 1835 г.

НА ИСПАНИЮ РОДНУЮ (стр. 334). При жизни Пушкина не печаталось.

Источником стихотворения являются предания испанских хроник и народные легенды о последнем готском короле Родерике. Его противник граф Юлиан заключил союз с маврами, и в битве при Гвадалете (711 г.) готское войско Родерика было разбито, а сам Родерик убит. Причиной мести Юлиана хроники считают то, что Родерик якобы соблазнил Флоринду (или Каву), дочь Юлиана. По легенде Родерик не погиб в сражении, но скрылся. Разные версии сведены воедино в поэме Саути «Родерик, последний из готов».

КТО ИЗ БОГОВ МНЕ ВОЗВРАТИЛ (стр. 339). При жизни Пушкина не печаталось.

Вольный перевод оды Горация «К Помпею Вару» (кн. II, ода VII).

СТРАННИК (стр. 341). При жизни Пушкина не печаталось. На автографе дата: «26 ию 835» (неясно, относится ли дата к июню или июлю).

В основу стихотворения положена книга Джона Беньяна «Pilgrim's progress», но Пушкин далеко отступил от подлинника.

...ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ (стр. 344). При жизни Пушкина не печаталось. Написано 26 сентября 1835.

В черновых рукописях имеются стихи, отброшенные в беловой редакции. См. «Из ранних редакций».

Стихотворение связано с поездкой Пушкина в Михайловское, где он провел сентябрь и половину октября 1835 г.

Я ДУМАЛ, СЕРДЦЕ ПОЗАБЫЛО (стр. 346). При жизни Пушкина не печаталось. Стихотворение не отделано. См. «Из ранних редакций».

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА (стр. 347). Напечатано в «Московском Наблюдателе», 1835 г., сентябрь.

Стихотворение является сатирой на С. С. Уварова, который был наследником богача графа Шереметева, как муж его двоюродной сестры. Когда Шереметев заболел, Уваров поспешил принять меры к охране имущества, надеясь вскоре им завладеть. Однако Шереметев выздоровел.

По поводу этого стихотворения Пушкину пришлось давать объяснения.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО (стр. 349). Напечатано в «Современнике», 1836 г., т. I. Этим стихотворением открывается первая книга журнала.

Стихотворение основано на словах Ломоносова о милосердии Петра: «Простив он многих знатных особ за тяжкие преступления, объявил свою сердечную радость принятием их к столу своему и пушечной пальбою». В данном стихотворении Пушкин имел задачей указать на необходимость примирения с декабристами, т. е. на возвращение их из Сибири.

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ. Отрок милый, отрок нежный (стр. 351). При жизни Пушкина не печаталось.

ЧТО БЕЛЕЕТСЯ НА ГОРЕ ЗЕЛЕНОЙ? (стр. 352). Необработанное и неоконченное стихотворение.

Перевод сербской песни, текст которой приведен в книге Фортиса «Путешествие по Далмации» (сербский текст и итальянский перевод).

МЕНКО ВУИЧ ГРАМОТУ ПИШЕТ (стр. 353). Неоконченный черновой набросок, по форме и по теме близкий к «Песням западных славян».

НА ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА. В Академии наук (стр. 354). Эпиграмма ходила в списках. Она на-

правлена против вице-президента Академии наук М. А. Дондукова-Корсакова, обязанного своим местом покровительству С. С. Уварова. Стихотворение намекает на порок, связывавший Уварова с Дондуковым-Корсаковым. Ср. запись в *Дневнике* Пушкина от февраля 1835 г. (т. VIII, стр. 63).

В тексте принята смягченная редакция последнего стиха.

К КАСТРАТУ РАЗ ПРИШЕЛ СКРЫПАЧ (стр. 355). Не предназначавшаяся к печати стихотворная шутка Пушкина. В рукописи она датирована 10—11 сентября (1835), Михайловское.

ПЛЕТНЕВУ. Ты мне советуешь, Плетнев любезный (стр. 356). Один из черновых вариантов ответа Плетневу на его предложение продолжить «Евгения Онегина». Ср. стр. 357.

ВЫ ЗА «ОНЕГИНА» СОВЕТУЕТЕ, ДРУГИ (стр. 357) и В МОИ ОСЕННИЕ ДОСУГИ (стр. 358). Черновые наброски на ту же тему, что и предыдущее стихотворение.

О БЕДНОСТЬ! ЗАТВЕРДИЛ Я НАКОНЕЦ (стр. 360). Черновое начало перевода из драмы Барри Корнуола «Сокол» (монолог Федериго).

ЕСЛИ ЕХАТЬ ВАМ СЛУЧИТСЯ (стр. 361). Черновой набросок.

КОГДА ВЛАДЫКА АССИРИЙСКИЙ (стр. 362). Черновое неоконченное стихотворение. Написано 9 ноября 1835.

Отрывок является переложением начала библейской книги Юдифь.

НА ЭТО СКАЖУТ МНЕ С УЛЫБКОЮ НЕВЕРНОЙ (стр. 364). Неоконченный набросок.

НЕ ВИДАЛА ЛЬ ДЕВИЦА (стр. 365). Необработанный отрывок в духе народных песен.

ОТРЫВКИ (стр. 366). Из черновых тетрадей. Отрывок «То было вскоре после боя» — перевод начальных стихов «Мазепы» Байрона. Отрывок «Как редко плату получает» — перевод из стихотворения Кольриджа «Жалоба».

Д. В. ДАВЫДОВУ. Тебе певцу, тебе герою! (стр. 367). При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 18 января 1836.

Написано при посылке вышедшей из печати «Истории Пугачевского бунта». Первый стих — перевод строки из стихотворения Арно, обращенного к Давыдову. См. т. VII, «Французская академия».

ХУДОЖНИКУ (стр. 368). При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 25 марта 1836.

В стихотворении говорится о посещении мастерской скульптора Б. И. Орловского, автора памятников Кутузову и Барклаю де Толли, поставленных позднее у Казанского собора.

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ (стр. 369). При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 5 июня 1836 г., вероятно, по поводу того, что в Казанском соборе в страстную пятницу ставили у плащаницы часовых.

(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ). Как с древа сорвался предатель ученик (стр. 370). Было подготовлено к печати вместе с другими (в автографе — номер II, ср. «Из Пиндемонти», «Отцы пустынники»), но при жизни Пушкина не было напечатано. Написано 22 июня 1836.

Вольное подражание итальянскому сонету о Иуде Фр. Джанни, по французскому переводу Антони Дешана.

НАПРАСНО Я БЕГУ К СИОНСКИМ ВЫСОТАМ (стр. 371). Необработанный набросок. За вторым стихом первоначально следовало:

Так, ревом яростным пустыню оглашая,
По ребрам бья хвостом и гриву потрясая...

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ). Не дорого ценю я громкие права (стр. 372). Было подготовлено Пушкиным к печати вместе с другими неизданными тогда стихотворениями (почему в автографе стоит номер VI), но напечатано не было. Написано 5 июля 1836.

Ссылка на Пиндемонти — мистификация из цензурных соображений. В рукописи имеется и другой подзаголовок: «Из Alfred Musset».

Стих «Зависеть от царя, зависеть от народа» еще в черновике был изменен: «Зависеть от властей, зависеть от народа». Но эта переделка противоречит всему смыслу стихотворения, в котором нет противопоставления властей народу, а сопоставлены две системы управления — самодержавная и парламентская. Поэтому следует считать, что поправка вызвана цензурными соображениями.

ОТЦЫ ПУСТЫННИКИ И ЖЕНЫ НЕПОРОЧНЫ (стр. 373). Подготовлено к печати вместе с предыдущим (имеет в рукописи номер II). Написано 22 июля 1836.

Стихотворение перелагает великопостную молитву Ефрема Сирина.

КОГДА ЗА ГОРОДОМ, ЗАДУМЧИВ, Я БРОЖУ (стр. 374). При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 14 августа 1836 г., на Каменном острове.

Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ (стр. 376). При жизни Пушкина не было напечатано. Написано 21 августа 1836 г., на Каменном острове.

Эпиграф взят из Горация (кн. III, ода XXX). «И милость к падшим призывал». В своих стихах Пушкин неоднократно писал о необходимости вернуть декабристов из Сибири.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ (стр. 377). Напечатано в «Современнике», 1836 г., том III.

Стихотворение представляет собой выборку строф из «Езерского» с некоторой их обработкой. Ср. полный текст поэмы в т. IV.

БЫЛА ПОРА: НАШ ПРАЗДНИК МОЛОДОЙ (стр. 381). Неоконченное стихотворение к годовщине Лицея 19 октября 1836 г. Пушкин не успел дописать стихи к празднику и читал их на вечере в неоконченном виде.

Для данного стихотворения Пушкин воспользовался формой своего стихотворения на 19 октября 1825 г.,

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ (стр. 384). Напечатано в «Художественной газете», 1836 г., № 9—10, декабрь.

Написано на статую работы скульптора А. В. Логановского.

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ (стр. 385). Напечатано вместе с предыдущим.

Написано на статую работы Н. С. Пименова. Обе статуи были на выставке в Академии художеств. Впоследствии они были поставлены в Царском селе перед Александровским дворцом.

ОТ МЕНЯ ВЕЧОР ЛЕИЛА (стр. 386). При жизни Пушкина не было напечатано.

Подражание арабской песне, помещенной во французском переводе в книге Агуба «Из восточной и французской поэзии».

ОТ ЗАПАДНЫХ МОРЕЙ ДО САМЫХ ВРАТ ВОСТОЧНЫХ (стр. 387). Чериовое начало перевода из Ювенала (сатира X).

Кн. КОЗЛОВСКОМУ. Ценитель умственных творений исполинских (стр. 388). Черновое начало послания.

П. Б. Козловский, любитель римской литературы, настойчиво предлагал Пушкину заняться переводом десятой сатиры Ювенала. По этому поводу Пушкин и пишет данное послание.

АЛЬФОНС САДИТСЯ НА КОНЯ (стр. 389). Начало незавершенного замысла. Некоторые детали сближают данное стихотворение с эпизодами из французского романа Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагоссе» («Десять дней жизни Альфонса Ван-Вордена»).

ЗАБЫВ И РОЩУ И СВОБОДУ (стр. 391). Незаконченный отрывок.

1827—1836

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ (стр. 392). Напечатано в сборнике «Опыт русской анфологии» 1828 г. Под названием «Идиллику» стихотворение впервые упоминается в списке Пушкина, относящемся к 1827 г.

В делах третьего отделения это стихотворение находится среди сведений за ноябрь 1827 г. с пометой «На Федорова».

Русский Геснер — идиллик (Саломон Геснер — известный швейцарский поэт, автор популярных идиллий). Среди русских поэтов наиболее известным идилликом был В. Панаев, почему и считалось, что стихотворение направлено против него. Однако помета на копии в третьем отделении, может быть, дает истинное истолкование эпиграммы, если принять во внимание, что Пушкин называл Бориса Федорова «переписчиком стихов господина Панаева».

ЗОЛОТО И БУЛАТ (стр. 393). Напечатано в «Московском Вестнике», 1827 г., № 2.

Перевод анонимной французской эпиграммы.

НЕ ЗНАЮ ГДЕ, НО НЕ У НАС (стр. 394). Напечатано в «Северных Цветах» на 1828 г. в составе «Отрывков из писем, мыслей и замечаний». Направлено против гр. Воронцова.

ТВОИ ДОГАДКИ — СУЩИЙ ВЗДОР (стр. 395). Эпиграмма написана по адресу лица, ошибочно принявшего на свой счет стихи из послания к Чаадаеву 1821 г., в действительности направленные против Ф. Толстого:

Отвыкнул от вина и стал картежный вор.

КОГДА ПОТЕМКИНУ В ПОТЕМКАХ (стр. 396). Четверостишие, сохранившееся в рукописи Пушкина, относится к Е. П. Потемкиной, сестре декабриста Трубецкого, жившей в Москве на Пречистенке. Смысл этой шутки Пушкина неясен, и обстоятельства, ее вызвавшие, неизвестны.

ЗАЧЕМ Я ЕЮ ОЧАРОВАН? (стр. 397). Необработанный отрывок.

ТЫ ПРОСВЕЩЕНИЕМ СВОЙ РАЗУМ ОСВЕТИЛ (стр. 398). Автограф стихотворения утрачен, и оно известно по весьма несовершенной копии, из которой местами только по догадке можно извлечь неполные строки. В автографе была зачеркнута одна строфа. Ее отдельные строки:

Когда парижский пустомеля...
Ты пил здоровье Лелевеля...

Как показывает содержание, стихотворение могло быть написано не ранее конца 1831 г.

РОДРИГ. Чудный сон мне бог послал (стр. 399). Стихотворение, неоконченное и необработанное, связано с замыслом неоконченного стихотворения «На Испанию родную» и, может быть, является его частью.

О НЕТ, МНЕ ЖИЗНЬ НЕ НАДОЕЛА (стр. 401). Незаконченный набросок.

ОТРЫВКИ (стр. 402). Из черновых рукописей, не поддающихся точной датировке.

PROLOGUE (стр. 404). План вступительной части стихотворения, относящийся к 1835 или 1836 г.

Gray (Грей) — упоминается, повидимому, в связи с его элегией «Сельское кладбище».

КОЛЛЕКТИВНОЕ

В. Л. ПУШКИНУ. Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович (стр. 407). Коллективное послание В. Л. Пушкину, писанное летом 1828 г. Вяземским (первый стих), Жуковским (стихи 2-й, 4-й и 7-й) и другими. А. С. Пушкину принадлежит третий стих.

НАДО ПОМЯНУТЬ... (стр. 408). Шутка, писанная Пушкиным совместно с Вяземским и адресованная Жуковскому. Написано 26 марта 1833 г. Шутка представляет собой набор самых разнообразных имен.

КОЛЬ ТЫ К СМИРДИНУ ВОЙДЕШЬ (стр. 412). Стихотворная шутка, получившая распространение в разных редакциях. По рассказу В. А. Соллогуба, это — экспромпт, в котором первые четыре стиха принадлежат Соллогубу, а последний — Пушкину.

ПОЙ В ВОСТОРГЕ, РУССКИЙ ХОР (стр. 413). Этот «Канон в честь Глинки» написан на обеде, данном 13 декабря 1836 г. по поводу первого представления оперы «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). Первая строфа писана М. Ю. Виельгорским, вторая — Вяземским, третья — Жуковским, четвертая — Пушкиным. С нотами (музыки В. Ф. Одоевского и М. Ю. Виельгорского) «Канон» был издан в том же декабре 1836 г.

ПРИПИСЫВАЕМОЕ ПУШКИНУ

Княж. С. А. УРУСОВОЙ. Не веровал я троице доныне (стр. 414). В списках приписывается Пушкину. Вяземский отрицал принадлежность стихотворения Пушкину. Мадригал адресован фрейлине Софье Александровне Урусовой (в 1833 г. вышла замуж за гр. Радзивил), с которой Пушкин познакомился в 1827 г. Мадригал является переводом стихов Вольтера, обращенных к женевской даме, проповедовавшей Вольтеру о троице.

СБОРНИКИ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА, ВЫШЕДШИЕ ПРИ ЕГО ЖИЗНИ

Еще во время своего пребывания в Лицее Пушкин задумал выпуск в свет собрания своих стихотворений. К 1816 году относится сохранившийся список стихотворений, предназначавшийся к включению в этот сборник. Он был задуман в двух разделах. Первый раздел составляли «Послания» (в числе 22-х), второй раздел озаглавлен «Лирические». В него входило около 12 крупных стихотворений, цикл элегий (15) и стихотворные мелочи. Сборник не был осуществлен.

В конце 1818 г. Пушкин твердо решил выпустить в свет свои стихотворения и даже организовал на них подписку (10 рублей за два тома). Для этого издания он подверг существенной переработке лицейские стихи, и к началу 1820 г. рукопись этого собрания была готова. Ссылка на Юг помешала Пушкину самому издать этот сборник, и он на известных условиях передал тетрадь с переписанными стихами Никите Всеволожскому. Но к изданию Н. Всеволожский не приступил.

Во время своего пребывания на Юге Пушкин неоднократно получал предложения об издании его стихотворений (от кн. А. Лобанова в 1822 г. и от П. А. Муханова в апреле 1824 г.), но, считая себя связанным с Н. Всеволожским, Пушкин откладывал издание. Принялся он за него уже в Михайловском в марте 1825 г. Пушкин получил обратно свою тетрадь 1820 г. и начал составлять новый сборник. Первоначально этот сборник был задуман в трех разделах: элегии, послания, смесь.

К сентябрю сборник был при помощи Плетнева и Жуковского вполне подготовлен к печати и состоял из следующих разделов: элегии, разные стихотворения (отдел, соответствующий прежнему названию «смесь»), эпиграммы и надписи, подражания древним, послания, подражания корану. При всех стихотворениях, кроме входящих в раздел «Эпиграммы и надписи», поставлены даты. Сборник вышел в свет 30 декабря 1825 г. с датой на титуле 1826 г. Сборник назывался «Стихотворения Александра Пушкина». На титуле — эпиграф: Aetas prima canat veneres, extrema tumultus. Propertius II, 8. Сборник предварен предисловием, написанным по указанию Пушкина (см. его письмо брату от 27 марта 1825 г.) и просмотренным им. Вот это предисловие:

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Собранные здесь стихотворения не составляют полного издания всех сочинений А. С. Пушкина. Его поэмы помещены будут современем в особенной книжке. Мы теперь предлагаем только то, что не могло войти в собрание собственно называемых поэм.

В короткое время автор наш успел соединить голоса читателей в пользу своих поэтических дарований. Мы считаем себя вправе ожидать особенного внимания и снисхождения публики к нашему изданию его стихотворений. Любопытно, даже поучительно будет для занимающегося словесностию сравнить четырнадцатилетнего Пушкина с автором Руслана и Людмилы и других поэм. Мы желаем, чтобы на собрание наше смотрели, как на историю поэтических его досугов в первое десятилетие авторской жизни.

Многие из сих стихотворений напечатаны были прежде в периодических изданиях. Иные, может быть, нами и пропущены. При всем том это первое в некотором порядке собрание небольших стихотворений такого автора, которого все читают с удовольствием. Как издатели, мы перед ним и пред публикою извиняемся особенно в том, что по недоразумению корректора остались в нашей книжке значительные типографические ошибки. Для предварительной поправки выписываем замеченные нами...

Вторым изданием стихотворения Пушкина вышли в 1829 г. в двух частях. Стихи здесь напечатаны в хронологическом порядке. Первая часть содержала стихотворения с 1815 по 1824 год, вторая часть — с 1825 до 1829. В 1832 году вышла третья часть, содержащая стихи с 1829 по 1831 г. В этот сборник включены, кроме того, драматические произведения — «Пир во время чумы» и «Моцарт и Сальери», а также «Сказка о царе Салтане». Последняя, четвертая часть вышла в 1835 году. Здесь хронологический порядок уже не соблюдался. В эту часть вошло восемь стихотворений, три сказки («О мертвой царевне», «О золотом петушке» и «О рыбаке и рыбке») и цикл «Песни западных славян».

В 1836 г. Пушкин готовил новое издание стихотворений в одном томе. Издание осталось неосуществленным. О его плане свидетельствуют сохранившиеся обложки, писанные рукой Пушкина, соответствующие разделам сборника: Стихотворения лирические; Послания; Эпиграммы, надписи и проч.; Баллады и песни; Сонеты; Стихи, сочиненные во время путешествия (1829); Песни западных славян; Вольные подражания восточным стихотворениям; Простонародные сказки; Подражания древним; Разные стихотворения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕСНИ И СКАЗКИ, СОБРАННЫЕ И ЗАПИСАННЫЕ ПУШКИНЫМ

Пушкин собрал и записал много песен и сказок, из которых не всё дошло до нас. Записыванием произведений народного творчества он занимался главным образом в Михайловском за годы 1824—1826. Песни 1—9 сохранились в тетрадях Пушкина и на отдельных листках. В песнях 1 и 2 Пушкин внес изменения в записанный им текст, чтобы восстановить первоначальный вид песни. Стихи 7—8 первой песни первоначально были записаны:

Он штабным офицерам не кланяется,
К губернатору под суд нейдет.

Затем Пушкин везде слово «губернатор» заменил на «воевода».

Из первых девяти песен 5—9 записаны Пушкиным в Болдине в 1833 году.

Остальные 49 песен были переданы Пушкиным П. И. Киреевскому и сохранились только в копиях. П. Киреевский, показывая тетрадку записей Пушкина Буслаеву, говорил: «Вот эту пачку дал мне сам Пушкин и при этом сказал: — Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ, и которые смастерил я сам.— И сколько ни старался я разгадать эту загадку, никак не мог сладить». Многие из этих песен до нашего времени поются в окрестностях Михайловского.

Из свадебных песен 15, 16 и 17 Пушкин внес отдельные стихи в «Русалку». Из необрядовых песен четвертой Пушкин воспользовался в собственных подражаниях народной песне; см. 1828 г., стихотворение «Уродился я бедный недоносок».

Записи сказок сделаны, повидимому, со слов Арины Родионовны в конце 1824 года. Из них записями 1, 3 и 7 Пушкин воспользовался для собственных сказок (О царе Салтане, о Балде и о Мертвой царевне). Вторую запись обработал Жуковский в «Сказке о царе Берендее».

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИЙ

ВОСПОМИНАНИЕ (стр. 467). Эти двадцать стихов не были напечатаны Пушкиным и не окончательно им обработаны.

«Две тени милые...» С уверенностью можно назвать только одно имя — Амалии Ризнич. См. стихотворение «Под небом голубым страны своей родной», т. II, стр. 332.

НАПЕРСНИК (стр. 468). Эти стихи переписаны набело отдельно от первой части стихотворения и в печать не попали.

ВЫ ИЗБАЛОВАНЫ ПРИРОДОЙ (стр. 469). Первая редакция стихотворения, относящаяся к 1828 г. и, повидимому, обращенная к А. А. Олениной.

ВСЁ ТИХО — НА КАВКАЗ ИДЕТ НОЧНАЯ МГЛА (стр. 470). Первая редакция стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Эта редакция по-

мечена 15 мая 1829 г., и следовательно писана в Пятигорске. Третья строфа («Прошли за днями дни...») в рукописи зачеркнута. Переделав стихотворение, Пушкин приурочил его к долине Арагвы, где он был 25 и 26 мая.

«Иные далеко, иных уж в мире нет». Ср. эпиграф к «Бахчисарайскому фонтану». В применении к декабристам тот же эпиграф в заключительной строфе «Евгения Онегина».

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ (стр. 470). Стих «Не в Москве, не в Таганроге» — намек на смерть Александра I в Таганроге. «Иль как Анреп... ...в грязи». Полковник Анреп (упоминаемый в «Путешествии в Арзрум») в приступе умопомешательства зашел в болото, где и умер. Ср. письмо Пушкина жене от 20 августа 1833 г.

ЧЕМ ЧАЩЕ ПРАЗДНУЕТ ЛИЦЕЙ (стр. 474). В строфе «Давно ль, друзья?..» говорится о смерти Александра I, о пожаре Москвы 1812 г., о взятии Парижа 1814 г., о смерти Наполеона на острове Св. Елены в 1821 г., о признании независимости Греции в 1829 г., об Июльской революции 1830 г. во Франции и о взятии Варшавы в 1831 г.

ОСЕНЬ (стр. 474). После строфы «Стальные рыцари...» намечено начало строфы:

И тут беру перо. Друзья мои поэты
(Не вам я говорю *** и ***
И не тебе **, живая жертва Леты,
И даже не тебе, певец — — —)

Нет достаточных данных, чтобы расшифровать обозначенное крестиками и черточками. Однако не лишено вероятия предположение, что стихи эти следует читать так:

Не вам я говорю, Языков и Плетнев,
И не тебе, Вильгельм, живая жертва Леты,
И даже не тебе, певец младых пиров.

Вильгельм — Кюхельбекер, находившийся в Сибири. Певец пиров — Баратынский.

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ

Стр. 54. Ты знаешь ли тот край... Вильгельм Мейстер. *(Немецк.)*
Стр. 58. Господину Дау. *(Англ.)*
Стр. 85. Прочь, непосвященные. *(Латин.)*
Стр. 88. Таков я был когда-то, таков я и теперь. *(Франц.)*
Стр. 94. Любовь, изгнание. *(Франц.)*
Стр. 98. Нетти... Р. О... Н. В... *(Англ.)*
Стр. 113. Но где... *(Итал.)*
Стр. 115. Радуйся, божия матерь. *(Латин.)*.
Свет небес, святая роза! *(Латин.)*
Стр. 120. Сен-При. *(Франц.)*
Стр. 167. Не презирай сонета, критик. Вордсворт. *(Англ.)*
Стр. 185. Это возраст Керубино. *(Франц.)*
Стр. 201. Воспоминания Бурьена. *(Франц.)*
Стр. 206. Барри Корнуол. Пью за твое здоровье, Мери. *(Англ.)*
Стр. 235. Мальчик, старого (фалернского)!.. *(Латин.)*
Стр. 284. Гузла, или сборник иллирийских стихотворений, собранный в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцоговине. *(Франц.)*

Париж, 18 января 1835.

Стр. 285—287.

Я думал, милостивый государь, что у Гузлы было только семь читателей, в том числе вы, я и корректор: с большим удовольствием узнаю, что могу причислить к ним еще двух, что составляет в итоге приличное число девять и подтверждает поговорку — никто не пророк в своем отечестве. Буду отвечать на ваши вопросы чистосердечно. Гузлу я написал по двум мотивам,— во-первых, я хотел посмеяться над «местным колоритом», в который мы слепо ударились в лето от рождества Христова 1827. Для объ-

яснения второго мотива расскажу вам следующую историю. В том же 1827 году мы с одним из моих друзей задумали путешествие по Италии. Мы набрасывали карандашом по карте наш маршрут. Так мы прибыли в Венецию — разумеется, на карте — где нам надоели встречавшиеся англичане и немцы, и я предложил отправиться в Триест, а оттуда в Рагузу. Предложение было принято, но кошельки наши были почти пусты, и эта «несравненная скорбь», как говорил Рабле, остановила нас на полдороге. Тогда я предложил сначала описать наше путешествие, продать книгопродавцу и вырученные деньги употребить на то, чтобы проверить, во многом ли мы ошиблись. На себя я взял собирание народных песен и перевод их; мне было выражено недоверие, но на другой же день я доставил моему товарищу по путешествию пять или шесть переводов. Осень я провел в деревне. Завтрак у нас был в полдень, я же вставал в десять часов: выкурив одну или две сигары и не зная, что делать до прихода дам в гостиную, я писал балладу. Из них составился томик, который я издал под большим секретом, и мистифицировал им двух или трех лиц. Вот мои источники, откуда я почерпнул этот столь превознесенный «местный колорит»: во-первых, небольшая брошюра одного французского консула в Банялуке. Ее заглавие я позабыл, но дать о ней понятие нетрудно. Автор старается доказать, что босняки — настоящие свиньи и приводит этому довольно убедительные доводы. Местами он употребляет иллирийские слова, чтобы выставить напоказ свои знания (на самом деле, быть может, он знал не больше моего). Я старательно собрал все эти слова и поместил их в примечания. Затем я прочел главу: Dei costumi dei Morlachi. [О нравах Морлаков] из «Путешествия по Далмации» Фортиса. Там я нашел текст и перевод чисто иллирийской заплачки жены Ассана-Аги; но песня эта переведена стихами. Мне стоило большого труда получить построчный перевод, для чего приходилось сопоставлять повторяющиеся слова самого подлинника с переложением аббата Фортиса. При некотором терпении я получил дословный перевод, но относи-

тельно некоторых мест всё еще затруднялся. Я обратился к одному из моих друзей, знающему по-русски, прочел ему подлинник, выговаривая его на итальянский манер, и он почти вполне понял его. Замечательно, что Нодье, откопавший Фортиса и балладу Ассана-Аги и переведший с поэтического перевода аббата, еще более опоэтизировав его в своей прозе,— прокричал на всех перекрестках, что я обокрал его. Вот первый стих в иллирийском тексте: «Scto se bieli u *gorie* zelenoï»,[1] Фортис перевел: «Che mai biancheggia nel verde *Bosco*».[2] Нодье перевел *Bosco* — *зеленеющая равнина;* он промахнулся, потому что, как мне объясняли, *gorie* означает: *гора.* Вот и вся история. Передайте г. Пушкину мои извинения. Я горжусь и стыжусь вместе с тем, что и он попался, и пр.

Стр. 319—324. *Заметка об Иакинфе Магллановиче.*

Иакинф Магланович — единственный мне знакомый гусляр, который в то же время был бы поэтом; большинство гусляров повторяют старые песни или самое большое — сочиняют подражания, заимствуя стихов двадцать из одной баллады, столько же из другой и связывая всё это при помощи скверных стихов собственного изделия.

Поэт наш родился в Звонограде, как он сам говорит об этом в балладе «Шиповник в Велико». Он был сын сапожника, и его родители, повидимому, не сильно беспокоились о его образовании, ибо он не умеет ни читать, ни писать. В возрасте восьми лет он был похищен *чинженегами* или цыганами. Эти люди увели его в Боснию, где и обучали своему искусству и без труда обратили его в магометанство, исповедываемое большинством среди них. * Один *«айан»*, или старшина, в Ливно отнял его у цыган и взял себе в услужение, где он и пробыл несколько лет.

Ему было пятнадцать лет, когда один католический монах обратил его в христианство, рискуя быть

[1] Что белеет на горе зеленой (*Серб.*)

[2] Что же белеет в зеленой роще (*Итал.*)

* Все эти подробности были сообщены мне в 1817 году самим Маглановичем.

посаженным на кол в случае обнаружения этого, ибо турки отнюдь не поощряют миссионерской деятельности. Юный Иакинф недолго задумывался над тем, чтобы покинуть своего хозяина, достаточно сурового, как и большинство босняков; но, уходя из его дома, он задумал отмстить за дурное обращение. Однажды ночью, в грозу, он ушел из Ливно, захватив с собой шубу и саблю хозяина, с несколькими цехинами, какие ему удалось похитить. Монах, окрестивший его, сопровождал его в бегстве, совершенном, вероятно, по его совету.

От Ливно до Синя, в Далмации, миль двенадцать. Беглецы скоро прибыли туда, под покровительство венецианского правительства, в безопасности от преследований айана. Здесь-то Магланович сочинил свою первую песню; он воспел свое бегство в балладе, которая привлекла внимание некоторых, и с нее-то началась его известность. *

Но он был без средств к существованию, а по природе своей не был расположен к труду. Благодаря морлацкому гостеприимству некоторое время он жил на подаяния сельских жителей, отплачивая им пением какой-нибудь заученной им старой песни. Вскоре он сочинил несколько новых песен на случаи свадеб и погребений, и его присутствие стало настолько необходимым, что ни один праздник не считался удачным, если на нем не было Маглановича со своей гузлой.

Так он жил в окрестностях Синя, мало беспокоясь о своих родных, судьба которых ему доныне осталась неизвестной, так как со дня похищения он ни разу не бывал в Звонограде.

Двадцати пяти лет это был красивый молодой человек, сильный, ловкий, прекрасный охотник и сверх того знаменитый поэт и музыкант; его уважали все, в особенности девушки. Та, которой он отдавал предпочтение, звалась Марией и была дочерью богатого морлака, по имени Злариновича. Он легко добился взаимности и, по обычаю, похитил ее. У него был

* Я тщательно разыскивал эту балладу. Сам Магланович ее забыл или, может быть, стыдился петь мне первый свой поэтический опыт.

соперник по имени Ульян, нечто вроде местного сеньора, который заранее проведал о похищении. Иллирийские нравы таковы, что отвергнутый любовник легко утешается и не косится на своего счастливого соперника; но этот Ульян решил ревновать и препятствовать счастью Маглановича. В ночь похищения он явился с двумя слугами в ту минуту, когда Мария села на лошадь, чтобы следовать за возлюбленным. Ульян угрожающим голосом приказал остановиться. Соперники, по обычаю, были вооружены. Магланович выстрелил первый и убил сеньора Ульяна. Если бы у него была семья, то она поддержала бы его, и он не покинул бы страны из-за таких пустяков; но он был одинок, против него — готовая на месть семья убитого. Он быстро пришел к решению и скрылся с женой в горах, где присоединился к гайдукам. *

Он долго жил с ними и даже был ранен в лицо при схватке с пандурами. ** — Наконец, заработав кое-какие деньги, как я полагаю, не особенно честным способом, он оставил горы, купил скот и поселился в Каттаро с женой и детьми. Дом его около Смоковича, на берегу речонки или потока, впадающего в озеро Врана. Жена и дети заняты коровами и фермой; он же вечно в разъездах; часто посещает он своих старинных друзей гайдуков, но не принимает уже участия в их опасном промысле.

Я встретил его в Заре впервые в 1816 г. В то время я свободно говорил по-иллирийски и сильно желал услышать какого-нибудь известного поэта. Мой друг, уважаемый воевода Николай ***, встретил в Белграде — месте своего жительства — Иакинфа Маглановича, ему ранее известного, и, зная, что он направлялся в Зару, снабдил его письмом ко мне. Он писал мне, что если я желаю послушать гусляра, то должен сперва подпоить его; ибо вдохновение на него сходило лишь тогда, когда он бывал почти пьян.

Иакинфу было в то время около шестидесяти лет. Это — высокий человек, еще крепкий и сильный для

---

* Род разбойников.

** Полицейские солдаты.

своего возраста, широкоплечий, с необычайно толстой шеей; лицо его удивительно загорелое, глаза маленькие и слегка приподнятые по углам, орлиный нос, довольно красный от крепких напитков, длинные белые усы и густые черные брови, всё это вместе дает образ, незабываемый для того, кто видел его хоть раз. Прибавьте к тому длинный шрам через бровь и вдоль щеки. Непостижимо, как он не лишился глаза при таком ранении. Голова у него была бритая, по почти всеобщему обычаю, и носил он черную барашковую шапку; платье его было очень поношенное, но притом весьма опрятное.

Войдя ко мне в комнату, он передал мне письмо воеводы и присел без стеснения. Когда я прочел письмо, он сказал тоном довольно презрительного сомнения: — Так вы говорите по-иллирийски. Я отвечал немедленно на этом языке, что достаточно понимаю по-иллирийски, чтобы оценить его песни, которые мне очень хвалили.— Ладно, ладно,— отвечал он,— но я хочу есть и пить; я буду петь, когда поем. Мы вместе пообедали. Мне показалось, что он голодал по меньшей мере дня четыре, с такой жадностью он ел. По совету воеводы, я подливал ему, и друзья мои, которые, услышав о его приходе, пришли ко мне, наполняли его стакан ежеминутно. Мы надеялись, что когда этот необычайный голод и жажда будут удовлетворены, наш гость соблаговолит нам что-нибудь спеть. Но ожидания наши оказались напрасны. Вдруг он встал из-за стола и, опустившись на ковер у огня (дело было в декабре), заснул в пять минут, и не было никакой возможности разбудить его.

Я был удачливее в другой раз, я постарался напоить его лишь настолько, чтобы воодушевить его, и тогда он спел мне много баллад, находящихся в этом сборнике.

Должно быть, голос его был прежде хорош, но тогда он был немного разбит. Когда он пел, играя на гузле, глаза его оживали, и лицо принимало выражение дикой красоты, которую художники охотно заносят на полотно.

Он со мною расстался довольно странным способом: пять дней жил он у меня и на шестой утром

ушел, и я тщетно ждал его до вечера. Мне сказали, что он ушел из Зары к себе домой; но в то же время я заметил исчезновение пары английских пистолетов, которые, до его поспешного ухода, висели у меня в комнате. Я должен добавить к его чести, что он мог равным образом унести и мой кошелек и золотые часы, которые были раз в десять дороже, чем взятые им пистолеты.

В 1817 году я провел дня два в его доме, где он принял меня, выказав живейшую радость. Жена его и все дети и внуки окружили меня и обнимали, а когда я ушел от них, старший сын служил мне проводником в горах в течение нескольких дней, причем невозможно было уговорить его принять какое бы то ни было вознаграждение.

Стр. 372. Гамлет.
Стр. 376. Я воздвиг памятник. *(Латин.)*
Стр. 377. С самого начала (от яиц Леды). *(Латин.)*
Стр. 379. Третье сословие. *(Франц.)*
Стр. 404. Пролог... Мертвые развлекают мое внимание... (Грей) лицейские игры, наши уроки... Дельвиг и Кюхельбекер, поэзия. *(Франц.)*
Стр. 463. Намек на царицу, которая следует за царем. *(Франц.)*
Стр. 486. Ты помнишь ли, говорил капитан. *(Франц.)*
Стр. 488.— См. перевод к стр. 58.
Стр. 491. Это — ядовитое дерево, которое, пронзенное до сердцевины, плачет только ядовитыми слезами. Кольридж. *(Англ.)*
Стр. 494. Любовь, изгнание... Писано мною в изгнаиии. *(Франц.)*
Стр. 510. Я простолюдин, совсем простолюдин, я простолюдин, простолюдин, простолюдин. Беранже. *(Франц.)*
Стр. 512. Голос и больше ничего. *(Латин.)*
Стр. 517. В своем доме. *(Англ.)*
Стр. 519. Эта, облагороженная гора. *(Франц.)*
Стр. 519. Странствие паломника. *(Англ.)*
Стр. 523. Из Альфреда Мюссе.
Стр. 526. Пролог. *(Франц.)*
Стр. 528. Ранний возраст поет любовь, поздний — боевое смятение. Проперций. *(Латин.)*

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Текст проверен и примечания составлены
проф. *Б. В. Томашевским*

*

Под наблюдением редактора издательства
А. И. Корчагина
Оформление художника *И. Ф. Рерберга*
Техническая редакция
Б. А. Прокофьева и *А. В. Щербакова*
Корректор *Б. Ф. Третьяченко*

*

РИСО АН СССР № 3630. Т-03442. Издат. № 2548.
Тип. заказ 67. Подп. к печ. 11/V 1950 г. Формат
бумаги $70 \times 92^1/_{32}$. Бумажных листов 8,63. Печатных
листов 20,18+4 вклейки. Уч.-изд. л. 18.5.
Тираж 50 000.

Цена тома 15 руб.

*

2-я типография Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10.

